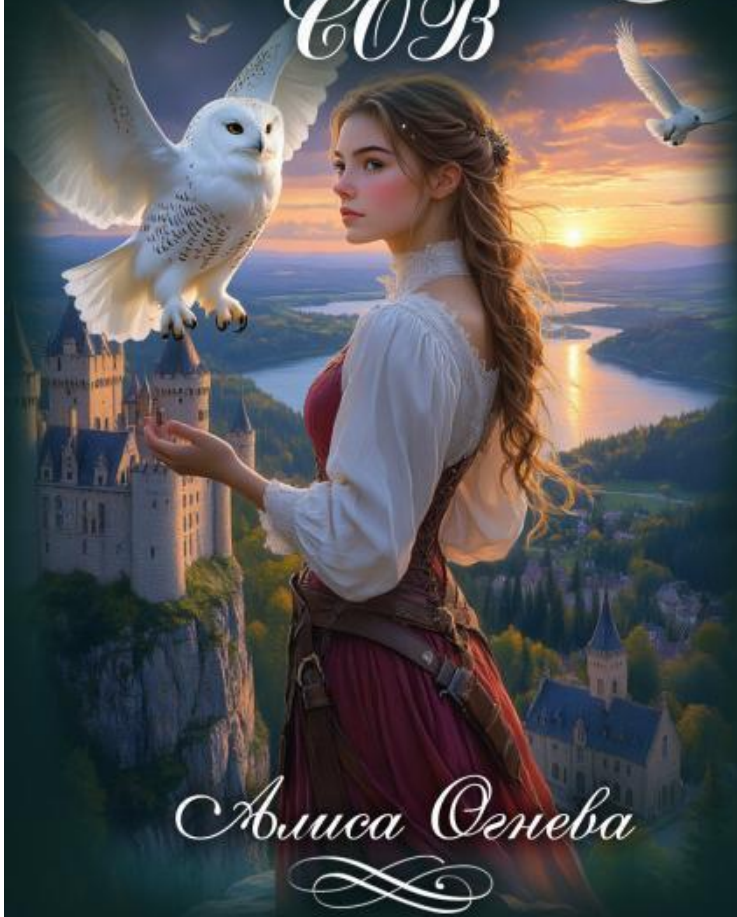

Повелительница СОВ

Алиса Огнева

Алиса Огнева

Повелительница Сов

<https://litres.ru/74541199>

Аннотация

Вчера, там, дома, меня предал любимый. Сегодня, здесь, я — попаданка, и этот мир приговорил меня к костру.

Мой дар понимать птиц здесь зовется «крапой». За него — либо смерть, либо золотая клетка. Княжич видит во мне лишь ценный актив. Лесник — испуганную девушку, которую надо спрятать.

Но никто из них не знает правды. Я не ведьма. Я — та, кто слышит боль этого мира.

И когда она выплеснется черной гнилью на скалы, а священные кречеты обезумеют от горя, мне решать: Спасать целое королевство. Или позволить ему сгореть.

Выбора у меня не было. Впрочем, как и у них.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	54
ГЛАВА 6	67
ГЛАВА 7	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

ГЛАВА 1

Всё началось не с грома и молний. Началось с тишины. С той леденящей пустоты внутри, когда слова «нам нужна пауза» разрушили мой мир, оставив после себя лишь цифры отчёта, вертевшиеся впустую в голове. А потом — с едва уловимого, хрустального щелчка снаружи. Как будто лопнула последняя струна.

Один миг — подошвы ботинок шлёпали по мокрому асфальту. Следующий — мир вывернулся наизнанку.

Без боли. Только внезапный холод, сухость и ошеломляющий, густой запах хвои, но не свежей, а терпкой, с горьковатой ноткой гниющих корней. И тишина. Не просто отсутствие звука, а оглушительная, давящая тишина, изредка нарушаемая протяжным скрипом вековых стволов.

В ушах стоял пронзительный, чистый звон. И в самой глубине этого звона промелькнуло и исчезло чувство. Огромное, древнее и безумно одинокое. Тоска по чему-то утраченному. Оно оставило после себя лишь смутную, щемящую тревогу.

Я открыла глаза, оттолкнувшись от упругого мха. Глазам потребовалось мгновение, чтобы сфокусироваться. Лес. Настоящий, глухой. Стволы сосен, толщиной в два обхвата, уходили в холодную, чистую синеву неба.

Паника подступила к горлу, липкая и беззвучная.

— Где я?! — попыталась спросить.

Язык стал непослушным комком. Из груди вырвался лишь сдавленный стон.

И будто в ответ, сверху донеслось тихое, растянутое улюлюканье. Насмешливое и какое-то печальное?..

"У-ух... У-ух... Совсем пропала, совс-сем..."

Я вжалась в мох, резко запрокинув голову. На толстой ветке сидели две призрачные тени. Белые, как снег под луной, с огромными плоскими лицами-масками. Их жёлтые глаза светились разумным светом. Совы. Полярные совы. Сердце ёкнуло, провалившись в живот.

"Это галлюцинация", — отчаянно зашептал внутренний голос.

Одна из сов, та, что поменьше, с едва заметной тёмной меткой возле клюва, склонила голову набок, а потом принялась деловито щипать клювом мох на ветке. В её огромных глазах читалось живое, бьющее через край любопытство.

"Не галлюцинация, двуногая. Лес. Наш лес. Ты пахнешь грозой и камнем. И... печалью. Здесь таких запахов нет".

Я замерла. Я не слышала голос ушами. Я... понимала! Чистый, ясный смысл, обёрнутый в образы влажной земли и чужого ужаса. Это было пугающе.

— Я... я понимаю вас, — прошептала вслух.

Вторая сова, крупнее и величавее, медленно распушила перья. От неё веяло спокойной, древней силой. Она повернула голову почти на сто восемьдесят градусов, чтобы осмот-

реть меня с другого ракурса, и щелкнула клювом.

"Понимаешь. Мало толку. Заблудилась. Съедят тебя волки. Или люди. Люди — страшнее".

"Люди? Какие люди?" — мысли понеслись вихрем.

"Герцогство", — щёлкнула клювом первая, её мысленный голос был чуть тоньше, с певучей ноткой.

— "Леса герцогские. А люди... вон те, что уже идут. Шумные. С топорами. Не люблю..."

Сердце рухнуло куда-то в пятки. Снизу донёсся грубый окрик, лязг железа, треск ломаемых веток. Голоса — хриплые, чужие. Совы встревоженно зашипели. Большая распахнула крылья, заслоняя меня от источника шума.

"Спрячься, глупая. Быстро!" — пришёл мысленный приказ, жёсткий и не терпящий возражений.

А от маленькой, в тот же миг, пришла другая мысль, обрывочная и почти заботливая: "В ямку, под лапы. Там тепло. Ти-и-иш-е-е..."

Адреналин вонзился в тело ледяной иглой. Я отползла вглубь бурелома, под низко нависающие, колючие лапы ели. Вжалась в пахнущую грибами землю, затаив дыхание.

Из зеленого мрака чащобы вывалились двое. Плотные, приземистые, в кожаных одеждах, пропахших дымом и потом — что ощущалось даже на расстоянии. Один, с лицом, изрубленным морщинами как старый пенёк, с прищуром водил взглядом по земле. Второй, помоложе, с беспокойными

глазами и нервной привычкой теребить рукоять топора, как-то опасливо озирался по сторонам.

— Смотри-ка, Гришка, следы, — голос первого был похож на скрип несмазанной телеги. — Не зверьё. Человечьи. Чудные какие-то... Словно подковы на каблук набили.

Он грубо, подушечкой чёрного от грязи пальца, ткнул в отпечаток ребристого протектора. Этот след от ботинка с глубоким протектором казался здесь совершенно неуместным.

— Бродяга, — отозвался Гриша, и его пальцы сжали топориче так, что побелели костяшки. — А то и... краплёный. Слышал? В Крутогорье одного выявили, камни в золото обращал! Сожгли, говорят, на прошлой полной луне.

Слово «краплёный» он выдохнул не с ненавистью, а с каким-то жадным, болезненным азартом смешанным с благоговейным ужасом. Меня бросило в дрожь. Эти двое были охотниками. А я — добычей?

В этот миг большая сова бесшумно слетела с ветки и опустилась на пень прямо перед ними. Распахнула крылья. Белое привидение в зеленом полумраке.

— Чёрт! Белая сова! Дурная примета! — первый охотник отпрянул, суеверно крестясь.

Хоть яркой верующей я не была, но в церкви хотя бы пару раз в год бывала. И то как крестились на Земле помнила. Иначе. Не так, как он.

— Просто птица! — рывкнул второй, но в его голосе про-

звучала неуверенность. Он поднял топор.

"Нет! Не смей!.." — мысленно воскликнула я, всем нутром дёрнувшись вперёд.

Яркая, ослепительная вспышка ярости ударила в виски. В ушах зазвенело, в глазах помутилось. Я не думала. Я ЖЕ-ЛАЛА, чтобы он остановился. И крикнула — не горлом, а всем нутром, той новой, проснувшейся частью себя.

Птица отреагировала мгновенно. Взмыла с оглушительным хлопаньем крыльев, пронеслась в сантиметрах от лица охотника, издав пронзительный, леденящий кровь визг. Тот вскрикнул, заслонился рукой.

Но меня обнаружили. Я едва успела отпрыгнуть за ствол. Сзади раздался глухой удар. Во все стороны брызнули щепки. Я невольно вздрогнула, осознав, что целью было моё тело.

— Ведьма! Она с ними! Бежим! — заорал один из мужиков.

Оба, спотыкаясь, бросились прочь. Их крики скоро затихли.

Тишина вернулась.

Звонящая. Я выползла из укрытия, вся трясась. Голова гудела. Большая сова уже сидела на ветке, смотря на меня мудрым немигающим взглядом. Маленькая же спланировала ко мне, села на бревно рядом и стала с явным интересом разглядывать мои джинсы.

"Храбро. Глупо. Но храбро", — резюмировал большой,

его мысленный голос звучал как приговор.

Но тут же от маленькой пришла поправка: "Не глупо. Спасла Шрама. Он не хотел драться. Ему лень. Спасибо".

— Спасибо, — растерянно выдохнула я.

Тут же из глаз хлынули слёзы. От ужаса, от бессилия, от краха всей былой жизни.

Маленькая сова встревоженно захлопала крыльями.

"Не плачь, двуногая! Слёзы солёные. Не полезно. Ты теперь наша. Наша странная, пахнущая грозой. Но наша! Мы — Букля. А это — Шрам".

Она кивнула на крупную сову, которая важным движением провела клювом по перьям на груди, устраняя воображаемую пылинку, будто только что одержала победу.

Шрам издал негромкое горловое урчание.

"Опасность отвели. Но люди вернутся. С другими. Ему нужен проводник. К спящему. Солнечный. Честный".

— Какой проводник? Куда? Чего? — пробормотала я, вытирая лицо мокрым рукавом.

"К тому, кто спит под дубом у ручья", — пропела Букля. — "Он пахнет солнцем и честностью. И хлебом! Тёплым. Он оставляет кусочки на пенёчке. Вкусные".

Я поднялась на ватные, дрожащие ноги. Из собеседников у меня только эти две белые птицы. А надо понять, где я и что делать. Мысль о возврате мелькнула и утонула в волне усталости и того щемящего чувства пустоты, которая теперь, казалось, была не во мне, а вокруг. И я была её частью. Оно

было похоже на зов. Зов того, кто так же потерян. И, кажется, я уже откликнулась.

— Ведите к нему, — прошептала я тихо.

Это было не просьбой о помощи. Это было согласием. Первым шагом к неведомой цели.

Букля ухнула что-то ободряющее и полетела вперёд, белое пятно мелькало между стволов. Я плелась следом, чувствуя сзади тяжёлый взгляд Шрама. Рука невольно прикоснулась к груди, где билось сердце. Возможно, это не бред. Возможно, я действительно попала в другой мир?

И мы пошли. Шли... Шли... И шли... И дошли. Тот кого искали... Спал.

Я встала как вкопанная, не зная, что предпринять?

На помощь пришла Букля. Она слетела с валуна почти беззвучно, лишь шелест перьев нарушил тишину, и опустилась на ближайший замшелый пенёк, прямо перед его глазами.

Парень медленно повернул голову. Его зелёные глаза расширились, но он не дёрнулся. В них не было суеверного ужаса, лишь удивление.

— Белая сова... — прошептал он, больше себе, чем мне. Голос его был тихим, полным почтительного изумления. — Большая редкость в этих лесах... Совсем не их сторона.

Он перевёл взгляд на меня, задержался на моей странной одежде, потом снова на сове. В его взгляде зрела не догадка, а профессиональная оценка, как у следопыта, обнаруживше-

го несоответствие.

— Твоя?

«Я ничья!» — возмущённо ухнула прямо в мою голову Букля, и я не сдержалась.

Из груди невольно вырвался короткий нервный смешок. Он прозвучал нелепо и тревожно в лесной тишине, будто я разбила хрусталь.

Парень заметил.

Жёсткость в его плечах чуть ослабла, но осторожность не исчезла. Он привык читать лес, а теперь читал меня. Но видимо не так легко, как ему того хотелось.

— Ты не отсюда, — констатировал он, и его взгляд, тёплый и цепкий, скользнул по моим джинсам, по синтетической ткани куртки, зацепился за городские ботинки с их чужеродным протектором. — Одежда... нездешняя. И с тобой белая сова. Значит, ты либо самая несчастная на свете, либо...

Он не стал договаривать, оставив фразу висеть в воздухе тяжёлым, незримым грузом. Его пальцы, лежавшие на колене, слегка пошевелились, будто ощупывая невидимую нить.

— Либо «крапленая», — договорила я за него, и собственный голос прозвучал хрипло, будто прошла не пять вёрст, а все пятьдесят. — Так сказали те двое в лесу. С топорами. Они хотели меня убить. Совы... меня спасли.

Он внимательно, не мигая, смотрел на меня. Взвешивал не слова, а сам факт моего существования здесь и сейчас.

Потом медленно, словно давая мне время привыкнуть к его движениям, или боясь спровоцировать, поднялся. Отряхнул штаны из грубого сукна.

Он оказался высоким, шире в плечах, чем казалось когда сидел, и каждое его движение было экономным, лишенным суеты. От него потянуло запахом древесной коры, сухой полыни и чего-то простого, мужского — кажется, пота и добротной кожи.

— Меня Иван зовут. Лесник я, — он сделал паузу, дав имени отзвучать в тишине. — А тебя?

— Аня.

— Аня, — повторил он, как бы пробуя звучание на вкус, и кивнул. — Те охотники — из деревни Торбово, что за Черным ручьем. Народ там... тёмный. Суеверный. Если они тебя видели с белой совой... — он провёл ладонью по щетине на подбородке, звук был похож на шуршание наждачки по дубу. — Им этого хватит, чтобы разжечь костер слухов. А там и до настоящего костра недалеко. Приказчики герцога «краплёных» не жалуют. Считают смутьянами.

В груди стало холодно и пусто, будто выскоблили всё нутро одним движением. То самое одиночество мира, которое я мельком ощутила в самом начале, теперь обрело конкретные, жуткие очертания.

— Что мне делать?

Иван вздохнул, глухо, от самого сердца, будто сгибаясь под невидимой ношей. Наклонился, поднял свой простой,

тёмный от времени лук из цельного дерева, перекинул его через плечо.

Взгляд его снова нашёл Буклю, которая с деловым видом вычищала перо, и Шрама — недвижимого, как изваяние сторожа, царственно восседающего на высокой ветке.

— Сначала — уйти отсюда. Тропа здесь наезженная. Пойдём ко мне. В лесную заимку. Там можно будет отдышаться, понять, что к чему, — он помедлил, глядя прямо на меня, и в его зелёных глазах не было ни жалости, ни расчета, ни пошлости. Только решение помочь. — Если, конечно, доверяешь.

Доверяю? У меня за спиной — пропасть. Под ногами — чужой, дышащий болью мир. А передо мной — незнакомец с луком, чьи законы жизни мне неведомы.

— Почему? — сорвалось у меня, голос дрогнул, выдав всю накопленную слабость. — Почему ты помогаешь? Ты меня не знаешь. Сам только что сказал, за что тут могут...

Он перебил меня, пожимая мощными плечами. Жест был простым, почти небрежным, но в нём читалась уверенность человека, который давно перестал сомневаться в подобных вещах.

— Потому что ты одна. И в глазах у тебя сейчас больше страха, чем колдовства. Видал я страх — и у зверя, и у человека. Это знак. И потому что... — он махнул рукой в сторону сов, и в этом движении была какая-то окончательность, граничащая с суеверием, но твёрдая, как камень, — они тебя

защищают. Значит, ты не злая. Лес злых не любит. Долго не терпит. И я — тоже. Как лес... — добавил он.

В этих словах не было пафоса. Была простая, неоспоримая логика, выросшая из земли и деревьев, из наблюдений за тем, как умирает раненый лось и как воет в метель одинокий волк.

Логика человека, чьи законы писаны не на пергаменте, а в самой природе вещей. В ней было больше чести и смысла, чем во всех корпоративных кодексах, которые я когда-либо читала.

Я просто кивнула. Слова застряли комом в горле, горячим и колючим.

«Идём», — прозвучал в голове сухой, повелительный голос Шрама. Он взлетел с ветки, бесшумной тенью мелькнув над головой, задевая крылом нижние сучья. «Место хорошее. Запах дыма и хлеба. Безопасно. Пока что».

Букля закружила над нами, её белые крылья сверкали в редких лучах солнца, пробивавшихся сквозь кроны, как сквозь разорванный полог.

«Скажи ему, он нам нравится. Пахнет надёжно. Как старый дуб. И... в кармане у него что-то пахнет сладко. Сухофруктами, кажется».

Я почувствовала, как по щекам разливается предательская краска. Глупо. Нелепо в такой ситуации.

— Они... они говорят, ты им нравишься. Что пахнешь надёжно.

Иван снова удивлённо поднял густые, соломенного цвета брови. А потом неожиданно улыбнулся. Улыбка преобразила его суровое, обветренное лицо, сделала моложе, почти беззаботным. В уголках глаз собрались лучики морщин — следы от прищура на солнце, а не от тяжких дум.

— Ну что ж, — сказал он, и в голосе его прозвучала тёплая, живая нота, похожая на потрескивание смолистых поленьев. — Буду стараться оправдать доверие. Пойдём, Аня. Пока солнце высоко, далеко уйдём.

Он повернулся и пошёл вперёд, не оглядываясь, уверенно выбирая тропинку, невидимую моему ненаметанному глазу горожанина, но явную для него, как борозда на ладони. Я потянулась за ним, чувствуя, как ледяной ком страха в груди понемногу тает, сменяясь изнурительной, но странно тёплой надеждой. За мной, как белые, беззвучные тени-хранители, летели мои совы, первые голоса этого мира. А впереди, широкой спиной рассекая лесную чащу, шёл человек. Первый человек в этом мире, который не назвал меня ведьмой.

Который увидел во мне не угрозу и не диковинку, а просто испуганную Аню. Девушку, которой он посчитал нужным помочь.

Это был мой первый день в этом мире...

Я тогда ещё не догадывалась, что избушка Ивана — лишь прихожая в новый мир. Что впереди — холодные стены герцогского замка. Взгляды придворных, полные любопытства и опаски. Умные, насмешливые глаза сына герцога. И рабо-

та, которая перевернёт всё. Что меня ждёт обучение у старого, ворчливого сокольничего... Дружба... И выбор, который разорвёт сердце надвое.

Но пока что я просто шла следом. Спотыкалась о корни, цеплялась рукавами за колючие ветки. Чувствуя, как каждый неловкий шаг подтверждает моё чужеродное происхождение. Шла за широкой спиной лесника, слушая, как он, не оборачиваясь, бросает короткие, дельные фразы, будто комментируя для самого себя:

— Осторожно, тут выворотень, ногу свернёшь.

Или, когда впереди засеребрилась вода, сквозь которую просвечивали камни:

— Ручей Шептун. Мелкий, но коварный. По живым камням пойдём, след в след. Смотри, куда ступаю.

Его голос, негромкий и спокойный, был самой твёрдой и реальной точкой в этом новом, зыбком, дышащем чужими запахами мире.

ГЛАВА 2

Избушка Ивана оказалась не убогой лачугой, а крепким, приземистым срубом из тёмного, смолистого леса. Она пряталась в зарослях папоротника и дикой малины, будто сама выросла из земли. От неё веяло теплом, древесной смолой и чем-то невероятно, до слёз знакомым — запахом домашнего очага, который я, казалось, знала всегда, но лишь сейчас смогла опознать. Он толкнул низкую, окованную полосками железа дверь, скрипнувшую пронзительно, и шагнул в сторону, пропуская меня вперёд.

— Заходи. Небогато, но своё. Кров да защита.

Я переступила порог и замерла. Воздух внутри был густой, тёплый, насыщенный, как бульон. Пахло дымом, сушёными грибами, выделанной кожей и... свежим, только что вынутым из печи хлебом. Да, именно так! На грубом столе из нестроганой плахи под чистым, хотя и поношенным до дыр, льняным полотенцем лежала круглая, душистая краюха, покрытая золотистой корочкой. В углу потрескивала невысокая печь-каменка, отражая в чёрном чреве отсветы живого, жадного до воздуха огня.

Комнатка была единственной, но удивительно обжитой. Широкие лавки вдоль стен, полки с деревянной и глиняной посудой, пучками трав, странными железными приспособлениями: скребками, стругами, скобами, смысл которых был

мне неведом, но которые говорили о деятельной жизни хозяина заимки.

«Хлеб», — прошелестела в моей голове почти благоговейная мысль Букли.

Она устроилась на толстом кованом крюке возле печи, свернувшись в белый пушистый комок, из которого торчал лишь жёлтый клюв.

«Тёплый. Добрый. Пахнет жизнью. Настоящей».

— Садись, — произнес лесник.

Иван скинул шапку, бросил её на лавку, лук и колчан бережно прислонил в углу, где уже стояла пара охотничьих рогатин. Направился к печи, где на цепи уже поскрипывал и шипел чугунный котёлок с выпуклыми боками. — Напою чаем из иван-да-марья. Согреешься. А там... видно будет. Обсудим.

Но «потом» наступило не сразу. Первый казус случился мгновенно. Он протянул мне глиняную кружку-курак, от которой валил густой, травяной пар, пахнувший лугом после грозы. Я, не думая, машинально потянулась взять её левой рукой.

— Э-э, — мягко, но твёрдо остановил он меня, ловко переложив кружку в мою правую ладонь. Его пальцы были шершавыми, тёплыми, с мозолями, твёрдыми, как дубовая кора. —левой тут... не принято. Не по-людски. Считается, нечистая сила левшует. Не дай бог, кто из деревенских увидит — опять начнутся разговоры. Да и в замке приметят.

Я покраснела до корней волос, ощущая себя полной душой. В моём мире это было невинной особенностью, поводом для шуток. Здесь — потенциальным знаком дьявола, клеймом, которое могли принять за метку «краплёного». Я молча кивнула, прижала ладони к горячей, шероховатой глине, вбирая тепло, которое, казалось, было единственным, что не требовало от меня перевода. Напиток обжёг губы — терпкий, горьковатый, с послевкусием дикого мёда и чего-то цветочного.

Второй казус вышел болезненнее. Разговаривая, от волнения я привычно жестикуюлировала, пытаюсь объяснить необъяснимое — своё появление. Широкий, нелепый рукав моей синтетической куртки задел другую кружку, стоявшую на самом краю стола. Та с оглушительным грохотом кувыркнулась на пол и разбилась вдребезги, разбросав по земляному полу черепки, похожие на лепестки цветка.

— Ой, прости! — я вскочила, будто обожжённая, чувствуя, как жар стыда бросается в лицо.

— Ничего страшного, — Иван даже бровью не повёл. Спокойно, не суетясь, опустил на корточки и стал собирать крупные осколки. — Глина, не жалко. Места тут глинистые, сам слепил, обжёг. Новую сделаю. Но в замке, Аня, — он посмотрел на меня серьёзно, его зелёные глаза в полумраке избы казались тёмными, почти чёрными, — такие жесты сочтут за дерзость. Или за нервозность, что ещё хуже. Особенно при старших. При герцоге, при его сыне... Руки лучше

держат смирно. Вот так.

Он сложил свои крупные, исчерченные мелкими белыми шрамами от порезов и ожогов ладони перед собой на столе, пальцы легли ровно, без движения. Это было так неестественно, так тесно для меня, привыкшей отстаивать свои презентации в офисах размашистыми, уверенными движениями. Я сжала руки в замок на коленях, чувствуя, как скользясь невидимыми, но прочными цепями нового этикета, который был куда страшнее простых правил.

— А как... как тут говорят «спасибо»? — спросила я тихо, глядя на толстый ломоть тёплого хлеба, который он отрезал мне широким ножом с костяной ручкой.

— «Благодарствую» или «спаси сохрани», — ответил он, отламывая себе кусок и макая его в соль, стоявшую в маленькой берестяной солонице. — Просто «спасибо» — это скорее у церковных, из книжных, да и то редко. Звучит... чужеродно. Как и многое в тебе. От этого и беда.

Мир, который только что казался бескрайним и пугающим, стремительно сужался до размеров этой дымной, тёплой избы, и каждый её сантиметр был напичкан новыми, невидимыми минами, мимо которых нужно было ступать с осторожностью сапёра. Я чувствовала себя не взрослой женщиной, а ребёнком, которого заново учат жить. Или дрессируют дикого зверька для клетки.

«Скучно», — мысленно, с протяжной горловой ноткой, зевнул Шрам из тёмного угла у потолка, где он сливался с

тениями, будто часть самой тьмы. — «Много слов. Мало дела. Двуногие любят сложности из простых вещей».

«Тише», — мысленно одернула его Букля, укладывая голову под крыло. — «Она учится. Это важно. Как птенцы учатся летать. Тебе бы поучиться терпению, старый ворчун».

«Летать проще», — отрезал Шрам, и его мысль угасла, как тлеющий уголёк.

Наступила ночь, настоящая, беспросветная, какой я не видела никогда. Иван указал на широкую лавку у самой печи, застеленную толстым, жёстким овчинным тулупом мехом внутрь.

— Ты тут. Я — у двери. На случай.

Он задул светец — простую глиняную чашу с тлеющим болотным мхом, пропитанным жиром. Комнату поглотила плотная, почти осязаемая тьма, нарушаемая лишь тусклым багровым отсветом тлеющих углей, пробивающимся сквозь щели в заслонке печи. Я укрылась тяжёлой, пахнувшей дымом, лесом и мужским потом шкурой, прислушиваясь.

Не к гулу машин и сирен, а к другим звукам. К треску поленьев за чугунной дверцей, превращающихся в уголь. К уханью далёкой, незнакомой совы — не Букли и не Шрама, а чужой, одинокой. К скрипу половиц под тяжёлыми, неторопливыми шагами Ивана — он вышел во двор, в черноту, проверить капканы и послушать, не крадётся ли кто.

К тихому, убаюкивающему воркованию спящей Букли. Этот мир, больной и одинокий, говорил со мной на новом,

трудном языке шорохов, запахов и невысказанных правил. И я, затаив дыхание, закутавшись в чужую шкуру, училась его понимать. Первый урок подходил к концу. Завтра начинался второй.

Иван куда-то уходил, потом вернулся, и в темноте его голос прозвучал совсем рядом, тихо, почти беззвучно:

— Спи. Завтра рано вставать. Надо будет решать, что с тобой делать.

Я замерла под тяжёлой шкурой, вслушиваясь в этот шёпот.

— А что обычно делают с... такими как я? — спросила я в чёрное пространство, где угадывался его смутный, неподвижный силуэт у двери.

Он помолчал. В тишине слышалось его тяжёлое, ровное дыхание — не спящего, а бодрствующего стража.

— Кого-то изгоняют. За Пояс Скал, где и чёрт ногу сломит. Кого-то сжигают, — слово «сжигают» он произнёс без эмоций, как констатацию, типа: «дождь будет». От этого стало ещё холоднее под тёплой овчиной. — Кого-то... если дар сильный — берут в услужение к богатым, под замок. Но если дар сильный и полезный — забирают на службу. В столицу. Прямо к герцогу. И тогда ты уже не человек, а инструмент. Со своим местом в специальном ящике.

— А ты что посоветуешь? — спросила, будто в его словах предполагался выбор.

Ещё более долгая пауза. Я почти слышала, как в его голове

щёлкают простые, железные логические цепи, каждая звено — факт из жизни леса: замечен след — будет зверь; пошёл дым — есть огонь; пришла чужая с белыми совами — будет беда.

— Не знаю, Аня. Но прятаться вечно не выйдет. Запах страха далеко расходится. Сегодняшние охотники — не последние.

Он замолчал окончательно. Я лежала, глядя в потолок из тёмных, закопчённых балок, и слушала, как за стенами кричит какая-то ночная птица. Её голос был одиноким и пронзительным, как стальная игла, прошивающая тишину. Он был похож на тот беззвучный зов, что привёл меня сюда. Только этот зов был полон тоски, а не боли.

Той ночью, уже на твёрдой лавке в избе Ивана, когда треск поленьев в печи стал монотонным и далеким, я закрыла глаза. И сразу же, как будто они ждали этого момента, на меня нахлынули образы прошлого.

Сначала мама. Не здесь, а там. Она стоит на кухне в своей клетчатой фартуке, вытирает тарелку, и её лицо в профиль освещено желтоватым светом люстры. Она о чём-то говорит через плечо, смеётся, и в уголке глаза у неё собирается добрая морщинка. Я не слышу слов. Только тихий, утробный гул московского вечера за окном и стук ножа по разделочной доске.

Хочу крикнуть: «Мама!» — но горло сжато.

Она поворачивается, и её лицо размывается в свете, ста-

новится просто теплым пятном, утрачивая чёткие черты. Остаётся только чувство — острое, режущее чувство, что эта дверь за мной навсегда закрылась. Не со скрипом, а с тем самым тихим, хрустальным щелчком, что я слыша прежде чем очутилась здесь.

Потом папа. Он не смотрит на меня. Он сидит в своём кресле с газетой, но газета опущена. Он смотрит куда-то в пространство за балконом, на серые крыши, и его взгляд... пустой. Усталый. Таким я видела его всё чаще в последний год. Как будто он уже тогда постепенно отдалялся, готовясь к моему исчезновению, даже не зная о нём. Хотелось подойти, обнять его за плечи, почувствовать грубую ткань его домашней рубашки. Но между нами выросла стена из густого, холодного тумана. Он даже не почувствовал моего взгляда, не говоря о приближении.

И наконец появился — Сергей. Последняя встреча. Не в кино и не в кафе, а у него дома. Я пришла с бутылкой вина, что он любил, с каким-то дурацким, наивным ожиданием в груди. Ожиданием, что он заметив мою улыбку, вмиг рассеет мои тщательно скрытые тревоги за последние месяцы. Скажет: «Ань, да что с тобой? Давай поговорим? Всё наладится...» Я ждала спасения, поддержки, помощи. Простого человеческого тепла.

Он открыл дверь. На нём были старые спортивные штаны и футболка. Он был дома. Настоящий. И в этом было что-то ужасно обыденное и оттого окончательное. Моё! Так мне

казалось.

— Заходи, — сказал без улыбки. И уже тогда что-то внутри сжалось в ледяной ком.

Мы сидели на его диване. Я болтала о чём-то неважном — о работе, о новых кофейнях, — лишь бы заполнить звенящую пустоту, что росла между нами с каждой секундой. Он кивал, смотрел мимо меня, на экран выключенного телевизора, на телефон. Его пальцы теребили шов на подушке. И тогда я замолчала. Просто замолчала и смотрела на него. Ждала.

Он вздохнул. Глубоко, как будто собираясь нырнуть. И поднял на меня глаза. Нет, не на меня — в пространство, где я была. В его глазах не было ни злости, ни боли, ни даже сожаления. Там была... скука. Всепоглощающая скука. И страшная, леденящая усталость от необходимости что-то решать, что-то предпринимать. Его лицо было лишённой какого-либо выражения маской. Пустотой, более чёрной, чем ночной лес за стеной этой заимки.

— Знаешь, Ань... — начал он, и его голос прозвучал плоско, как голос диктора, зачитывающего погоду. — Нам, пожалуй, нужна пауза.

Не «я устал». Не «давай попробуем что-то изменить». Не «прости». «Нам нужна пауза». Как в проекте, который заморозили. Как в игре, где нажали кнопку паузы, чтобы отлучиться навсегда.

И в тот миг, когда он это произнёс, я не почувствовала

боли. Я почувствовала то самое ничто. Ту самую бездонную, беззвучную пустоту, в которую потом и провалился мой мир. В ней не было даже страданий. Была лишь окончательная, абсолютная тишина. И готовность. Готовность к тому, чтобы всё рухнуло. Чтобы пришло что-то новое. Что угодно.

И только после этого воспоминания сон настиг меня, смешав прошлое с настоящим в горький, странный коктейль.

Мне снилось, что я стою на краю каких-то ледниковых ущелий. Ветер выл, рвал плащ, но я не чувствовала холода. Внизу, в синеватой мгле, кружили кречеты. Но они были не птицами, а сгустками ярости и горя — чёрными, как осколки обсидиана. Их крики были похожи на плач.

А передо мной, на узкой тропе, стояли три фигуры. Иван — спиной ко мне, с луком в руках, заслоняя от ветра, но сам он превращался в крепкий, молчаливый дуб, корни которого врастали в камень. Ещё один мужчина — впереди и выше, на уступе. Он смотрел не на птиц, а на карту в своих руках, и его лицо освещал холодный свет. И ещё одна явно мужская фигура — где-то сбоку, в тени. Он не смотрел ни на птиц, ни на карту. Он смотрел на мои руки, и в его взгляде было сочувствие, будто он смотрит на невидимую рану.

И вдруг с неба, бесшумно, спустились две огромные белые тени. Букля и Шрам. Они сели мне на плечи. Мои помощники. Защитники. Спасители. И я поняла, что должна сделать выбор. Не между этими неведомыми мужчинами. А между... Чем?

Можно было, как Иван, — закрыть кречетов собой, принять их ярость на щит. Можно было, как второй, — нанести их местоположение на карту, изучить маршруты их перелетов и гнезд, чтобы использовать. А можно, как третий, — попытаться почувствовать, понять причину боли.

Я сделала шаг вперёд, к самому краю. И вместо крика или агрессии протянула к чёрным птицам не руку, а отдала им ту самую внутреннюю пустоту, что осталась в моей душе после поступка Сергея. Ту самую тишину, что звала меня сюда, в этот мир.

И произошло чудо. Не яркое, а тихое. Один из кречетов, самый резкий яростный, перестал вдруг метаться. Он спустился ниже, его острый клюв был приоткрыт, не в ярости. Из него странным образом будто струилась тишина. И в этой тишине я увидела не образы, а простую, чудовищную картину: гнездо, разоренное не зверем и не человеком, а странной, чёрной слизью, что сочилась из скалы. Слизью, которая пожирала птенцов и сводила с ума их родителей. Это была не болезнь. Это была рана самого мира. Та самая, на боль от которой я невероятным образом откликнулась.

И я поняла пророчество сна: моя задача — не приручить, не использовать. Моя задача — услышать, почувствовать чужую боль. И, услышав, найти способ исцелить рану. Не силой магии, а вниманием. Потому что я сама была такой же раной, которую этот мир инстинктивно попытался заткнуть, закрыть собой, призвав меня.

Я проснулась не от крика, а от тишины. Предрассветная мгла висела в избе, печь уже не трещала, лишь тлела. Я лежала, слушая ровное дыхание Ивана у двери и чувствуя на себе незримый, бдительный взгляд Шрама из темноты.

Тоска по дому была всё такой же острой, но теперь в ней появилась странная нотка. Я больше не была жертвой, брошенной в чужой мир. Я была ответом на безмолвный крик. Спасаемой. И спасением. И теперь мне предстояло научиться говорить на языке боли, который, возможно, был единственным языком, способным исцелить и его, и меня.

Эти мысли погрузили в странную апатию, я не заметила как вновь провалилась в забытие. А потом...

Утро пришло серое, промозглое, затянутое одеялом низких, мокрых туч. Я проснулась от запаха дыма и закипающей воды в котле. Иван уже хлопотал у печи, его движения были размеренными, точными, будто он не готовил завтрак, а разбирал и собирал сложный механизм леса. Его спокойствие было таким осязаемым, что захотелось хоть как-то его разделить — не быть вечной обузой.

ГЛАВА 3

Желая отплатить за гостеприимство, я взяла тяжёлое дубовое ведро, почерневшее от времени и тысяч таких же походов к ручью. Воздух за дверью был холодным и влажным, обжигал щёки. Ручей Шептун действительно шептал — нежно булькал под тонкой кромкой льда по краям. Набрать воду оказалось не просто. К такому городская жизнь меня не учила. Но справилась.

Всё шло сносно, пока я не вернулась в избу. Контраст температур оглушил. Полное ведро показалось неподъёмно тяжёлым, рукоять впивалась в непривыкшую к таким нагрузкам ладонь. Я замерла возле печи, занесла ведро над огромным медным котлом, висевшим на кованом крюке... и не рассчитала. Не рассчитала ни тяжести, ни наклона, ни напряжения в уставших плечах.

Вода хлынула не потоком, а целой лавиной, с победным рёвом. Она перелилась через край котла, с оглушительным, позорным плеском ударила о раскалённые стенки печи и выплеснулась на пол не брызгами, а настоящим потоком, немедленно превратив тщательно утоптанную землю в липкое месиво. Раздалось громкое, яростное шипение, как от раскалённого железа, опущенного в снег, и комната наполнилась едким паром, запахом мокрой золы.

Я стояла, облитая брызгами, с пустым ведром в руке, чув-

ствуя себя не просто чужой, а воплощением нелепости и сосредоточением бед. Идиоткой, не способной даже воду налить в котел.

Иван, услышав грохот и мой отчаянный визг, вбежал с топором в руке. Он застыл на пороге, окидывая взглядом маленькое озеро возле печи. Меня, мокрую с головы до ног, с каплями, падающими с волос на совершенно не подходящую для этого случая синтетическую куртку... и рассмеялся. Не просто ухмыльнулся, а рассмеялся громко, от души, так что согнулся пополам, упёршись руками в колени, а на скулах заблестели слёзы.

— Ничего-ничего! — выдохнул он, давась смехом. — Запить избу пытались многие гости, но с таким размахом — это впервые! Прямо герцогиня фонтанная, ей-богу! Весь пол новым глиняным раствором залить собралась?

Его смех был таким заразительным, таким беззлобным и идущим прямо от души, что ледяной ком стыда и напряжения внутри треснул. Сначала я всхлипнула от досады, а потом сама не выдержала — расхохоталась, стоя едва ли не по щиколотку в быстро остывающей воде. Мы смеялись, как два дурака, в этой дымной избушке на краю чужого мира, пока Шрам не прокомментировал с высоты своего угла:

«Двуногие. Странные. Льют воду, чтобы потом вытирать воду. Тратят силы на шум. Глупо. Но... громко...»

А Букля, радостно хлопая крыльями с полки, где она сушила перья после ночной вахты, добавила в мою голову ве-

селую трель:

«Зато весело! И пахнет теперь мокрым лесом и удивлением! Хороший запах!»

— Ладно, фонтаны это хорошо, — отдышавшись, сказал Иван, вытирая глаза тыльной стороной ладони, испещрённой мелкими шрамами. — Урок первый в этом мире, Аня, запомни: всегда оценивай свои силы. И доверяй ведру поменьше. Оно может быть тяжелее, чем кажется. Иди грейся, я тут приберу. Не велика беда — вода не пожар, а грязь не смерть.

Пока я сидела на лавке, суша промокшие, непривычно тяжёлые и нелепо обвисшие штанины у открытой дверцы печи, а Иван ловко выгонял воду за порог метлой из связанных еловых веток, снаружи донесся новый звук. Не лесной. Четкий, металлический, незнакомый — отрывистый стук подкованных копыт у крыльца. Не один конь, а несколько, и по звуку это явно не крестьянские лошадки. И голоса. Четкие, отрывистые команды, не деревенские. С отчетливыми, твёрдыми согласными, которые резали утреннюю тишину, как нож кожу.

Иван замер. Веселье с его лица вмиг слетело. Он бросил метлу и в два шага приник к крохотному окошку, затянутому мутным бычьим пузырем, прикрыв лицо ладонью от внутреннего света печи.

— Герцогские, — выдохнул он, не отрываясь от узкой щели по краю рамы. Комментируя то, что видит: — Стражни-

ки. В латах. С печатью на плащах — скрещенные секиры. Двоих. И... кто-то третий. В плаще, не воин. Сидит в седле, как господин. Что-то ищут...

Сердце провалилось куда-то в промокшие, холодные сапоги, стало маленьким и ледяным, как голыш в ручье.

— Меня?

— Не знаю. Но визит таких гостей совпадением не пахнет, — он резко обернулся. Взгляд его был острым, как у волка, почуявшего железный вкус капкана на зимнем ветру. — Сов твоих... они могут не показываться? Совсем? Чтобы и духу не было, ни пера белого?

Я мысленно крикнула, вложив в этот беззвучный зов всю свою накопившуюся панику: «Спрячьтесь! Не вылетайте! Станьте тенью! Молчите!»

Букля и Шрам, не издав ни звука, словно растворившись в самом воздухе, слились с тенями в углах, стали частью бревенчатой стены, неровной штукатурки и густой, непроглядной темноты под самым потолком. Лишь слабый, едва уловимый блеск чьих-то огромных, прищуренных глаз где-то в глубине выдавал присутствие пернатых стражей.

Стук в дверь прозвучал как удары топора по черепу. Тяжёлый, нетерпеливый, не допускающий игнорирования.

— Открывай! Во имя Его Светлости герцога Северного!

Иван бросил на меня один-единственный взгляд — короткий, полный немой тревоги и чего-то ещё, похожего на сожаление, будто он видел, как захлопывается капкан, в который

заманил зверя. Потом двинулся к двери. Его рука произвольно потянулась к рукояти широкого ножа за поясом, но он с силой сжал кулак, разжал пальцы и откинул скрипучую деревянную щеколду.

В проёме, заливаемые серым, безрадостным светом хмурого утра, стояли двое. Воины в латах из тусклой, полированной стали с чужим гербом на нагрудниках — скрещённые секиры над стилизованной сосной. Их лица были бесстрастными, глаза смотрели куда-то в пространство над нашими головами, не видя нас. Но третий...

Третий был иным. Он оставался в седле. Мужчина лет пятидесяти, в добротном, но поношенном плаще цвета грозового неба, с откинутым на спину капюшоном. Его лицо было умным, усталым, покрытым сеткой мелких морщин. Глаза прищуренные, привыкшие всматриваться вдаль, высматривать добычу.

Его взгляд, скользнув по Ивану, сразу же, нашёл меня в полумраке избы. И в его глазах, холодных и оценивающих, вспыхнул не просто интерес, а тот азарт сокольничего, что выследил редкого, почти мифического зверя, о котором долго только слышал.

— Лесник Иван? — спросил один из стражников, не сдвигаясь с места. Голос был глухим, лишённым интонаций.

— Я.

— Приказ из замка Белогорья, — человек говорил, словно читая невидимый свиток, приклеенный к внутренней по-

верхности его забрала. — Вчера, на закате, в угожьях у Чёрного ручья, была замечена незнакомка в странном, нездешнем одеянии, — он сделал паузу, и продолжил: — В сопровождении редких белых сов, нехактерных для наших лесов. Ведётся розыск. Ты ничего подобного не видел?

Тишина в избе стала густой, как смола. Я чувствовала, как Шрам в своём углу напрягся, каждое перо прижато к телу, готовое к немому броску. Мысль металась в попытке пробиться в голову Ивана: «Ври! Скажи, что нет! Что я ушла на север, что ты один!»

Но он лишь выпрямился во весь свой немалый рост, пересекая луч бледного света из двери. Его тень легла на меня широкой полосой, как заслон.

— Видел. Она здесь. Никакого зла не причинила. Испугана, заблудилась и не понимает, где находится.

Старший в плаще, не спеша, спустился с седла. Его движения были плавными, экономичными, без единого лишнего звука. Он сделал шаг вперёд, отстранив стражника тем же лёгким, привычным жестом руки, что говорил о скрытом, но неоспоримом авторитете.

— Довольно, — сказал он стражнику, и тот немедленно отступил на полшага, замерая в стороне. Затем он повернувшись к нам, представился: — Меня зовут Матвей. Я — главный сокольничий Его Светлости, — его голос был низким, хриловатым, похожим на скрип старого, сухого дерева на ветру. Он смотрел прямо на меня, будто Ивана и не суще-

ствовало. — А тебя?

— Аня, — выдохнула я, поднимаясь.

Ноги стали ватными, непослушными, будто проросли в земляной пол, впитывая холод и страх.

— Тебя ищут не для расправы, Аня. Во всяком случае, пока.

Матвей медленно обвёл взглядом избу, будто оценивая обстановку не как жилище, а как потенциальный капкан, или клетку. Его взгляд — цепкий, опытный, замечающий всё — на секунду задержался на том самом тёмном углу, где затаился Шрам. Я почувствовала, как по спине пробежал ледяной мурашек. «Чувствует. Он что-то чувствует. Не видит, но чувствует...»

— Ходят слухи о твоём... необычном даре. О том, что ты понимаешь язык птиц. А точнее — что они понимают тебя. Герцог — человек прагматичный. Ему нужны не деревенские сплетни, и бабьи сказки у костра, а доказательства.

— Какие доказательства? — шагнул вперёд Иван, вставая между мной и пришедшими. Его спина была широкая, как дубовый щит, готовый принять удар.

— Практические, — не меняя ровного, сухого тона, ответил Матвей.

Он достал из-за пазухи небольшой, туго скрученный свиток пергамента, перевязанный простой бечёвкой, с матовым оттиском красной сургучной печати — те же секиры и сосна.

— Владения герцога обширны. На северных границах, в

ледниковых ущельях Гремящего хребта, гнездятся кречеты. Лучшие, быстрее, благороднейшие ловчие птицы на свете. Гордость любой соколиной охоты. Но... — он развернул свиток, но читать не стал, говоря на память. — Последние два года ни один сокольник не может до них добраться, чтобы взять птенцов для выучки. Скалы стали коварными, подходы — смертельными. А сами птицы... будто обезумели. Стали дикими, злобными, никого не подпускают на пушечный выстрел. Гнёзда разорены, птенцы все равно гибнут. Мы теряем настоящее сокровище.

Он перевёл на меня усталый, колющий взгляд, в котором читался не интерес к моей личности, а холодный профессиональный вызов.

— Герцог хочет знать причину. И хочет возобновить поставку кречетов. Если твой дар реален... ты можешь это выяснить. Узнать, что их беспокоит. Или... — он слегка наклонил голову. — Доказать всем, включая себя, что этот дар — не более чем вымысел испуганной девушки. В последнем случае, — сокольник сделал паузу, давая словам осесть, — тебе, возможно, будет позволено просто уйти. Но слухи уже идут. И они, поверь, куда опаснее любого приказа.

Он развернул свиток, но читать не стал, лишь смотрел на меня поверх него, и в его усталом взгляде была безжалостная ясность охотника, оценивающего снаряжение.

— Задание простое: добраться туда. Найти гнездо альбиноса — белого кречета. У них там целая семья. Один птенец

— белый, как твои совы. Доказать, что можешь с ним взаимодействовать. Принести его перо. Или... — он сделал почти незаметную паузу, — лучше саму птицу, если сможешь. Не убить. Приручить. Доставить живым. Для герцога это будет лучшим доказательством.

Иван резко, почти свистяще, выдохнул, будто ему нанесли удар ниже пояса.

— Это смертный приговор! Гремящий хребет — это не лес! Туда и опытные скалолазы не ходят после осенних дождей! Камни сыпятся, как горох! Она...

— Она «крапленая», — холодно, рубленной фразой оборвал его Матвей, не сводя с меня глаз. — Или нет. Это и есть проверка. Чистая, как горный ручей. Справится — докажет свою ценность не на словах, а на деле. Получит место, покровительство и защиту при замке. Будет под стражей, но в безопасности, и под крышей. Нет... — он едва заметно пожал узкими, костлявыми плечами. — Ну что ж, значит, слухи были ложны. А у Её Светлости нет ни времени, ни желания кормить и защищать лгунью или случайную жертву обстоятельств. Срок — две недели. Отсчитывай с завтрашнего рассвета. Проводника дадим до подножья ущелья Чёрного Ворона. Дальше — сама. Снаряжение минимальное: верёвка, крюк, вода, сухари.

«Две недели. Незнакомые скалы. Хищная птица, которая, по его же словам, обезумела. Это невозможно...» Мысль пронеслась ледяной метелью, вымораживая душу. Но ска-

зять «нет» означало подписать себе приговор здесь и сейчас. Отказаться от единственного, пусть смертельного, шанса не быть дичью, за которой охотятся все — от суеверных крестьян до циничных князей.

— Я... я попробую, — услышала я свой собственный, чужой голос. Он прозвучал тихо, но чётко в гнетущей, придавленной тишине избы, перебивая шипение последних углей в печи.

Иван сжал кулаки так, что костяшки побелели. Желваки на скулах заиграли, но он промолчал. В его молчании была ярость, бессильная и потому ещё более страшная.

Матвей кивнул. Без одобрения. Без насмешки. Просто констатация, как бухгалтер, внесший цифру в гроссбух. — Завтра на рассвете. У восточных ворот крепостной стены. Будь готова к долгому и трудному пути. Одежда у тебя неподходящая. В замке тебе выдадут что-то... попрочнее, — он развернулся, чтобы уйти, но на пороге, уже в пол-оборота, обернулся в последний раз. — И, Аня... Один совет от старого птичника, который за сорок лет видел всякое. Не доверяй слишком быстро. Даже тем, кто кажется союзником. Мир людей сложен, в нём слова часто означают совсем не то. Мир птиц проще. В нём либо когти, либо перья. Либо голод, либо сытость. В нём... нет такого изощрённого шантажа и многогранности.

Он вышел, пропущенный вперёд стражниками. За ним молча скрылись стальные силуэты. Щеколда упала с тихим

щелчком, будто захлопнулась крышка гроба. В избе пахло холодом с улицы, влажной землёй с порога и горьким страхом.

— Ты с ума сошла! Ты вообще понимаешь, куда соглашаешься идти?! — взорвался Иван, едва затих стук копыт. Его обычное, размеренное спокойствие лопнуло, как тонкий мартовский лёд под ногой. Лицо покраснело, глаза метали искры негодования и ужаса, а кулаки сжались до хруста в суставах. — Это не проверка, это чистое, циничное убийство! Я пойду с тобой! Я знаю те скалы, я...

— Тебя не звали, — тихо, но жестко парировала я.

Голос не дрогнул, хоть внутри всё и сжалось в холодный, тяжёлый ком, готовый разорвать грудь.

— И если пойдёшь без приказа, по собственной воле — это сочтут за мятеж, за сговор со «крапленой». Тебя не похвалят за верность. Тебя накажут. Возможно, тоже отправят куда подальше. Мне... мне нужно сделать это одной. Чтобы доказать. Чтобы больше не прятаться.

«Чтобы выжить, хоть на пару недель подольше», — договорила я про себя, глядя на его искажённое тревогой и обидой лицо. Сердце ныло от этой необходимости ранить единственного человека, кто протянул руку помощи.

Ночь перед выездом пролетела в лихорадочных и нелепых сборах. Иван, непрестанно ворча, хмуря густые брови и отводя взгляд, рылся в своём нехитром скарбе. Он сунул мне в руки крепкие, грубые, но удивительно лёгкие сапоги из буй-

волово́й кожи, уже разношенные, но целые. — С чужой ноги, но лучше твоих, — бросил на лавку тёплую безрукавку, сшитую из шкуры оленя, с запахом дыма и мяты. — От ветра спасёт.

В завершении он вложил мне в ладонь небольшой, отточенный до бритвенной остроты нож в простых, потёртых кожаных ножнах. Рукоять была гладкой, отполированной годами прикосновений.

— Не для драки, — отрывисто пояснил, уставившись в угол, где темнел силуэт Шрама. — Для быта. Чтоб верёвку перерезать. Или ветку мешающую. Или... — он замолчал, не договорив, но я поняла: «...или себя, если будет невмоготу». Его забота была грубой, неловкой, и оттого — бесконечно ценной и ранящей одновременно.

На рассвете у восточных ворот, кроме угрюмого проводника-пограничника с лицом, высеченным из гранита, никого не было. Воздух был студеным, колким. Холодный туман стелился по земле, скрывая основание крепостных стен. Ни Матвея, ни стражников. Проводник молча, одним движением подбородка, указал на низкорослого, но крепкого, лохматого коня пегой масти, уже оседланного.

Седло было потёртым, на уздечке — следы зубов. Без единого слова, даже без кивка, пограничник развернул своего более крупного скакуна и тронулся в путь по едва заметной лесной тропе. Я в последний раз оглянулась на сонные, серые стены замка Белогорья, вдавила пятки в бока коня и по-

следовала за ним. Иван не пришёл прощаться. И, возможно, это было к лучшему.

ГЛАВА 4

Путь занял несколько долгих, утомительных дней. Местность менялась, словно вырождаясь, теряя краски и жизнь. Сначала исчезли высокие сосны, их сменили низкорослые, корявые ели, цеплявшиеся за камни на склонах. Потом и они отступили, уступив место голым, серым скалам, обдуваемым вечным, воющим ветром с севера. Он выл в глубоких ущельях, как голодный, обиженный дух, вымещая свою древнюю злобу на всём живом, что осмелилось здесь зацепиться. Даже конь нервно прядал ушами и фыркал.

Проводник остановился у самого входа в узкую, мрачную расщелину, напоминавшую пасть каменного исполина. Даже сейчас, в подобие лета, с её карнизов свисали грязно-белые, как старые кости, ледниковые сосульки. Воздух стал заметно холоднее.

— Далее — твоя дорога, — бросил он, не глядя на меня, и махнул рукой куда-то вверх, в царство тумана, голого камня и вечного льда. Голос его был глухим, лишённым всякой теплоты или сочувствия, будто он уже разговаривал с призраком. — Гнездовья на южном склоне, за зубчатым гребнем. Ищи белую тень. Через две недели, на закате, буду ждать здесь три дня. Если не придёшь... Задерживаться не буду. И никто искать не будет.

Он резко развернул коня, не предлагая помощи, не желая

удачи, и уехал прочь, не оглянувшись ни разу. Стук подкованных копыт быстро растворился в однообразном, угрожающем реве ветра, заполнившего собой всё пространство.

Я осталась одна. Совершенно, абсолютно одна, не считая коня. Ветер рвал плащ и накидку, пытаюсь залепить глаза ледяной пылью. Я слезла с коня, привязала его к одинокому, кривому деревцу. Проводник мог забрать зверуху. Выживет ли он тут?

С этими мыслями мысленно попросила у животного прощения. Но тот кажется меня не понял. Сжала в потных, уже замёрзших ладонях грубую пеньковую верёвку и короткий, тяжёлый ледоруб — жалкие, насмешливые дары из замкового арсенала.

Страх был физическим, плотным, с вкусом острой меди на языке и слабостью в коленях. Но отступить было некуда. Только вперёд, в каменную пасть, или — вниз, в небытие. Я сделала первый шаг к скале.

Начало было кошмаром. Камень был холодным и скользким от намерзшей влаги, пальцы в тонких перчатках немели мгновенно, ветер бил с такой силой, что едва не срывал в пропасть после каждого неверного движения. Я карабкалась, цепляясь за малейшие выступы, с каждой минутой ненавидя этот мир, Матвея, герцога и саму себя за своё безумное согласие. И тут, сквозь оглушительный рев стихии, я уловила их. Не привычный мысленный щебет или уханье сов. Другие голоса. Тонкие, пронзительные, отчаянные.

«...опять унесло ветром... не дотянуться... не докормить... все погибнут...»

Это был писк. Не птичий, а звериный, но полный такого безысходного, материнского ужаса, что моё собственное сердце ёкнуло в ответ, забыв на миг о страхе высоты. Я прижалась к холодной, шершавой поверхности скалы, затаила дыхание и мысленно, изо всех сил, как бросают спасательный круг, потянулась навстречу этому отчаянию.

«Кто здесь? Где вы?»

Из узкой, тёмной расщелины неподалёку, укрытой от прямого удара ветра каменным козырьком, донёсся ответ. Слабый, измученный, пронизанный болью, голодом и бесконечной усталостью.

«Дети... мои дети... Человек? Уходи... Не тронь... Не тронь их... Умрём, но не тронь...»

Росомаха. Взрослая, сильная, но в её сознании, к которому я вдруг, нежданно-негаданно прикоснулась, бушевали яркие, болезненные образы: железные, ржавые челюсти, впившиеся в заднюю лапу, невозможность пошевелиться, дикая, изводящая боль, и два маленьких, слепых ещё комочка тёплой шерсти, жмущихся к её истощённому, горячему боку. В её отчаянии не было злобы ко мне. Только всепоглощающий, дикий, первобытный страх за потомство.

«Могу помочь, — послала я мысль, облекая её в простейшие, животные образы: покой, кусок мяса, освобождение. — Покажи, где ты?»

Через узкую щель в скалах, протиснув голову, я увидела её. Большую, могущественную зверюгу, но страшно исхудавшую, с взъерошенной, тусклой шерстью. Её задняя лапа была неестественно вывернута и зажата в безжалостных челюстях старого, покрытого рыжей коррозией капкана. Рана вокруг почернела и опухла, издавая сладковато-гнойный запах. Рядом, в углублении, уткнувшись мордочками в её бок, жались два слепых, серых детёныша, тихо поскуливая.

Разум кричал: «Проходи мимо! У тебя свои проблемы! Две недели!» Но тело уже действовало само. Я осторожно, без резких движений, вытащила из своей походной сумки солидный кусок жёсткой, как дерево, вяленой оленины — последний щедрый подарок Ивана. Бросила его в расщелину, но не прямо к ней, а на почтительное расстояние, в угол. Пока она, рыча от боли и недоверия, но повинаясь всесильному инстинкту голода, волоча за собой капкан, поползла и принялась яростно рвать мясо, я медленно, сантиметр за сантиметром, подобралась ближе. Распевала что-то без слов — бессмысленный, успокаивающий поток шипящих и мурлыкающих звуков, в которые вкладывала один образ: «спокойно, я не враг».

Мои пальцы, уже почти нечувствительные от холода, нашли холодный, зазубренный металл. Механизм капкана заклинило намертво ржавчиной и, возможно, костью. Я вставила в щель между тугими пружинами рукоять своего ножа, навалилась на него всем весом, упираясь ногами в камень.

Мышцы на руках и спине Наверное вздулись от напряжения, в висках застучало. Металл закрипел, застонал и, наконец, с резким, кошмарным щелчком, отозвавшимся эхом в расщелине, — разжался.

Росомаха дёрнула лапу, издав хриплый, болезненный звук, больше похожий на стон. Она отползла глубже в логово, яростно, без остановки вылизывая окровавленную, распухшую плоть. Потом подняла тяжёлую голову и посмотрела прямо на меня. Её маленькие, чёрные, невероятно умные глаза были полны не благодарности, нет — это сложное чувство было ей незнакомо. В них читалось признание. Факт. «Ты сделала это».

И затем в моё сознание, минуя слова, чётко и ясно, как луч света в темноте, легла целая картина: узкая, почти невидимая тропка, петляющая вверх по южному скальному склону, в обход самых коварных осыпей и нависающих карнизов. И чувство... не долга, не дружбы. Простое животное: «Мой долг оплачен. Дети спасены. Путь — твой. Информация в обмен на жизнь...»

Она скрылась в глубине логова, прикрыв собой щенков, и больше не посылала ни одной мысли.

Я отползла назад, прислонилась к скале. Сердце колотилось, бешено вырываясь из груди. Дышать было трудно. Я смотрела на свои окровавленные (её кровью) и дрожащие от перенапряжения руки. Это было не колдовство. Не магия в привычном смысле. Это была первая, честная, почти что де-

ловая сделка с этим миром на его жестоких, но прямых и понятных условиях.

Указанный ею путь оказался не просто спасительным — он был единственным. Он был труден, почти непроходим для неподготовленного человека, петлял и требовал невероятной выносливости, но он вёл туда, куда нужно — вверх, к южному склону. Каждый метр давался ценой содранной кожи, натруженных до спазма мышц и ледящего страха перед пропастью, зиявшей справа. Но я карабкалась. Теперь у меня была не просто цель. Была тропа. И первая, крошечная ниточка взаимопонимания с этим суровым миром. Он говорил со мной через разум своих созданий. И я, начала учиться отвечать.

Я продвигалась вверх, метр за метром, и каждый из них был отдельным договором с гравитацией, страхом и собственным телом. Путь, подсказанный росмахой, оказался хитрой системой едва заметных уступов, скрытых трещин и карнизов, обходивших самые опасные участки — рыхлые осыпи, готовые обрушиться под ногой, и гладкие, отполированные ветром плиты.

Обход не означал лёгкость. Порой приходилось буквально висеть на пальцах, ища зацепку для ноги, чувствуя, как верёвка, привязанная для страховки к одинокому выступу, натягивается и поскрипывает с угрожающим звуком.

Мысли метались, как испуганные птицы в клетке.

«Зачем я это сделала? Зачем согласилась? Из-за страха?

Из-за гордости? Чтобы доказать кому-то, что я не просто «крапленая»?»

Пальцы в перчатках уже не чувствовали холода камня — они онемели, превратившись в неуклюжие крючья.

«Две недели. Больше половины уже ушло на дорогу сюда. А я даже не начала искать эту чёртову птицу...»

Ветер, завывающий в ущелье, казался насмешкой. Он приносил с собой ледяные брызги с где-то висящего ледника и запах пустоты — сырой, минеральный, абсолютно безжизненный.

И тогда, неожиданно, всплыло воспоминание. Не о Сергее, не о Москве. О двух походах в горы.

Один... Мы с подругами, полные энтузиазма, на Кавказе наняли инструктора. У нас было всё: лёгкие, дышащие мембранные куртки, треккинговые палки из карбона, навигаторы, термобельё, аптечка на все случаи жизни, даже портативный кислородный баллончик «на всякий случай». Мы шли по маркированной тропе, смеялись, фотографировали, а вечером пили грог из термосов, укутавшись в дорогие пуховки. Самым страшным был внезапный дождь, промочивший рюкзак одной из девушек. Тогда это казалось «экстримом», приключением, поводом для хэштегов. Инструктор мягко журил нас за лишний вес в рюкзаках, за неправильную шнуровку ботинок. Какой же это был детский сад по сравнению с этим!

И в Альпы. Три года назад. Корпоративный тимбилдинг «На пределе возможностей». Мы, два десятка менеджеров,

должны были провести ночь в высокогорном приюте.

У нас были надувные матрасы, пуховые спальники с комфортной температурой до минус десяти, газовая горелка, на которой наш гид Валера, суровый парень с бородой, варил нам глинтвейн в огромной кастрюле. Мы сидели в тесном, пропахшем дымом и мокрой шерстью деревянном бараке, пили из железных кружек, смеялись, рассказывали страшил-ки.

Холод за стенами был декорацией, элементом экстрима, за который компания заплатила большие деньги. Я тогда сло-мала ноготь, цепляясь за поручень на подъёме, и это было са-мой большой «травмой» дня. Ночью в спальнике было жар-ко, я даже расстегнула его. За окном выла настоящая метель, но она казалась такой далёкой, такой ненастоящей по сравне-нию с теплом нашего маленького, купленного за деньги уюта.

«Как же мы были глупы», — пронеслось сейчас в голове. Этот «экстрим» был игрой. Красивой, дорогой, но игрой с почти стопроцентной гарантией безопасности. Здесь не бы-ло гида Валеры. Не было горячего глинтвейна. Не было га-рантий. Здесь был только камень, ветер и я.

Сейчас у меня была грубая верёвка, впивающаяся в ладо-ни, простой ледоруб, который я боялась использовать, пото-му что не умела, и нож. Нож Ивана. Он один был лучше все-го того снаряжения. Он был реальным. Он спас росомаху. И, возможно, спасёт меня. Эта мысль придала немного сил. Я не туристка. Я — участник жестокой игры на выживание,

правила которой пишутся по ходу дела.

Подъём становился круче. Воздух разрежался, каждый вдох требовал усилия, в висках застучал лёгкий, навязчивый звон. Я продиралась сквозь заросли карликового, колючего можжевельника, цеплявшегося за жизнь в трещинах, и наконец, выбившись из последней, почти вертикальной расщелины, вылезла на узкий, изогнутый карниз под самым гребнем ущелья. Ветер здесь был настоящим хозяином. Он выл, рвал одежду, пытался сорвать с уступа, и мне пришлось прижаться к пригретому на солнце камню, чтобы отдышаться и осмотреться.

И вот, подняв голову, я увидела Их.

Недалеко, почти прямо надо мной, на небольшом уступе, защищённом от ветра каменным козырьком, лежало гнездо. Не аккуратная постройка, а небрежно, яростно сложенная куча толстых, обломанных веток горной сосны, перемешанных с белесыми костями, перьями и клочьями шерсти. Оно выглядело не домом, а крепостью, построенной в отчаянии. И в нём, прижавшись спиной к скале, сидела ОНА.

Кречет-альбинос. Не мифический дух гор, не благородный символ с герба. Огромная, мощная, потрёпанная жизнью птица. Размах её крыльев, даже сложенных, казался невероятным. Её белизна была не ослепительной, а грязноватой, испачканной в пыли, следах борьбы и помёте. Перья на груди взъерошены, одно на крыле неестественно торчало, сломанное. И глаза... Алые, как раскаленная до предела ла-

ва, как две капли запекшейся крови. В них не было животного безумия или слепой злобы. В них была всепоглощающая, холодная, замученная отчаянием ярость. Ярость загнанного в угол существа, которое уже потеряло всё.

Рядом с ней, вплотную к гнезду, лежал второй кречет. Самец. Его оперение было серо-сизым, красивым и строгим. Но одно крыло было вывернуто под невозможным, неестественным углом, шея изогнута. Он был мёртв. И недавно. От него ещё не пахло тленом, только разило холодом и неподвижностью.

И тут её мысли, тяжёлые, и неумолимые, как камнепад, ударили в моё сознание, не спрашивая разрешения. Это был не образ, не картинка. Это была суть, сгусток чистого чувства:

«Мой. Мёртв. Ничего нет. Ничего не нужно. Уйти. Или умереть...»

Она не бросилась на меня, не издала угрожающего крика. Она просто смотрела своими алыми глазами сквозь меня, в пустоту за спиной. Я для неё не представляла интереса. Я была просто ещё одним элементом враждебного, отнявшего всё пейзажа. Вроде ветра, камня или того чёрного, скользкого нароста на скале рядом с гнездом, от которого исходил едва уловимый, противный запах серы и гнили.

В этот миг всё задание герцога — «доказать взаимодействие», «принести перо», а уж тем более «приручить» это огромное, изломанное горем существо — показалось не про-

сто сложным. Оно показалось верхом циничного, абсурдного безумия. Как можно «приручить» саму скорбь? Как можно требовать от неё покорности, когда единственное, что её держит здесь — это невозможность оставить тело того, кто был для нее всем?

Я стояла, вжавшись в скалу, и чувствовала, как моя миссия рассыпается в прах перед лицом этого простого, животного, абсолютного горя. Матвей послал меня не к птице. Он послал меня к воплощенной потере. Куда большей нежели моя потеря Сергея. Тот жив здоров и думаю даже по своему счастлив, а тут... Я не знала, что можно сказать такому существу.

День угас быстро, словно его заткнула чёрная пробка ночи. Выбираться вниз по отвесной стене в темноте было чистым самоубийством. Единственным местом, где можно было переждать до утра, оказался узкий карниз неподалёку от рокового гнезда. Он был чуть ниже и скрыт от прямого ветра нависающим каменным выступом, похожим на сломанный клык.

«Ночь. Камень. Метель», — устало прошелестела в голове мысль Букли, доносившаяся снизу, с подножья, где она с Шрамом ждали моего возвращения. «Холодно. Голодно. Страшно».

«Знаю», — мысленно ответила я, стараясь, чтобы ответ донёсся до них как тёплая волна, а не паника. Связь на таком расстоянии была тонкой, как паутинка, но я чувствовала их

тревогу — острую, птичью, не знающую сомнений, только действие. Но действовать было нечем.

Я согнала с карниза острые камни, разровняла площадку насколько могла, затем расстелила свою безрукавку из оленьей шкуры мехом внутрь — большего утеплителя у меня не было. Сверху накинула плащ, подаренный в замке — грубый, из плотной, почти непромокаемой ткани. Ледоруб воткнула в расщелину, привязала к нему одним концом верёвку, другим обмоталась вокруг пояса — примитивная страховка от падения во сне.

Холод подбирался не снаружи, а изнутри. Он просачивался сквозь подошвы сапог, пробирался под одежду, заставлял зубы выбивать частую, мелкую дробь. Я достала последний сухарь — твёрдый, как камень, и принялась методично его жевать, заставляя челюсти работать, чтобы отвлечься. Запила глотком ледяной воды из фляги. Вкуса не было. Только функциональность выживания.

ГЛАВА 5

Сон настиг меня внезапно, провалом в чёрную яму истощения.

Я стою посреди бесконечного, пустого поля. Небо свинцовое, низкое. Под ногами — не земля, а сплошная сеть тонких, почти невидимых трещин, будто высохшая глина. Я слышу их. Они поют. Нет, они стонут. Тонкий, высокий, невыносимый гул боли, исходящий из каждой щели. Я пытаюсь идти, но с каждым шагом трещины расходятся шире, из них сочится не кровь, а чёрная, тягучая смола, пахнувшая серой и гнилью. Она обжигает края ран этого мира. Я хочу их заткнуть, залить, исцелить, но у меня в руках ничего нет. Только пустота.

И тогда сверху, бесшумно, опускаются две огромные белые тени. Букля и Шрам. Они не садятся мне на плечи. Они начинают летать над трещинами, и там, где проходит тень их крыльев, чёрная смола на миг затихает, трещина будто затягивается плёнкой из инея. Но это лишь иллюзия. Временное явление. Они не могут исцелить. Они могут только... указывать.

Шрам летит к одной, особенно широкой трещине, из которой валит густой, тёмный дым, и смотрит на меня. Его мысленный голос беззвучно кричит: «Здесь! Начинай здесь!» А Букля, мелькая, как белый мотылёк, носится над

сетью мелких, тонких разломов, шепча: «Свяжи! Свяжи их! Светом!»

Но у меня нет света. Только пустота внутри, та самая, что привела меня сюда, в этот мир. И я понимаю, что это и есть инструмент. Я опускаюсь на колени перед большой трещиной, заглядываю в чёрную пульсирующую пустоту и... не пытаюсь её заполнить. Я просто слушаю. Вслушиваюсь в её гул. И в этот миг гул меняется. Из тоски в нём проступает... вопрос...

Проснулась от собственного стука зубами. Рассвета ещё не было, но чёрная тьма чуть посерела, обретая форму свинцового свода. Тело одеревенело, каждое движение отдавалось тупой болью в мышцах и суставах. Но в голове, поверх физического мучения, остался отзвук сна. Неясный, но важный. «Слушать. Не заполнять. Слушать...»

Осторожно повернула голову в сторону гнезда, скрытого теперь в предрассветных сумерках. Громоздкая белая тень на нём не шелохнулась. Она была всё так же неподвижна, как и её мёртвый самец, становился частью мертвого холодного камня. Но теперь, сквозь леденящий ужас задания, пробивалась крошечная, хрупкая догадка.

Может быть, герцог и Матвей ждали не «приручения». Может быть, они ждали чего-то другого, чего сами не понимали. А может, и не ждали ничего, отправляя меня на закляние. Но у меня не было выбора. Утром нужно было что-то делать. И этот странный сон о трещинах и пустоте, облета-

ющих их белых крыльях, казался теперь единственной прозрачной нитью, за которую можно было ухватиться в крошечной тьме.

Я присела на корточки, вжимаясь спиной в холодный камень, не пытаясь подойти ни на шаг ближе. Закрыв глаза, я просто... слушала. Не ушами, а той самой внутренней пустотой, о которой говорил мой сон. Я пропускала через себя её боль — не как свою, а как реку, мимо которой идешь, чувствуя её холод и мощное, бурное течение. Это была не жалость. Это было признание. Простые чувства. Без условностей.

И услышав едва ощутимый отклик, я послала мысль. Не образ покорности или подчинения, не ложные обещания еды или безопасности. Я собрала в пучок свои собственные обрывки потерь и отправила ей. Картину белой совы — Шрама, который много зим назад, так же нашёл свою первую пару мёртвой в снегу после ледяного дождя, и сидел рядом три дня, не двигаясь, пока голод не заставил его взлететь. Картину той пустоты, которая остаётся после ухода близкого — она не заполняется, никогда. Но вокруг неё, словно мох вокруг валуна, медленно, неумолимо начинает прорастать жизнь. Не замещая потерю, а просто... окружая её чем-то иным.

Кречет замер. Её красный, горящий взгляд впился в меня, потеряв тусклую пелену безразличия. Она не расправляла крылья для атаки, не щелкала клювом. Она просто смот-

рела, и в её взгляде читался шок.

«Ты... знаешь Боль? Настоящую? Ту, что выжигает изнутри?»

«Знаю», — послала я ответ, не уточняя. Пусть она думает о потерянной паре. Я имела в виду всё: разбитую жизнь на Земле, разлом внутри меня, тоску по дому, страх быть сожженной на костре. Это тоже была боль. Менее острая, но своя.

«Зачем пришла? Забрать моё перо? Забрать меня, как они всех забирают?» — мысль была тяжелой, как обломок скалы.

«Нет. Чтобы узнать. Почему он погиб. И чтобы ты... не была одна. Хотя бы сейчас. Пока я здесь».

Я просидела с ней несколько долгих часов. Не двигалась, не пыталась установить более тесный контакт. Мы просто делили пространство — узкий карниз, пронизывающий ветер, хрустальный холод и тяжёлую тишину, в которой звенела наша общая, но такая разная тоска.

Солнце прошло по небу дугой, и тени стали длиннее. И когда светило начало клониться к закату, окрашивая снежные вершины в кроваво-золотой цвет, она вдруг резко, всем телом, встрепенулась. Пыль и обломки перьев слетели с неё облачком.

Она встала во весь свой исполинский рост, расправила одно, здоровое крыло — второе, сломанное, висело плетью. Резко щёлкнув могучим клювом, вырвала из своего белоснежного, испачканного боевой грязью оперения — одно пе-

ро. Длинное, идеально сформированное маховое перо, сверкающее в косых лучах чистым, фарфоровым белым цветом. Она не бросила его в мою сторону. Просто открыла клюв, и перо, плавно покружившись, упало к моим ногам, на серый безжизненный камень.

«Возьми. Докажи им, что ты говорила с Призраком Ущелий. Так они меня зовут. И уходи. Пока я... пока я не передумала. Пока боль не вернулась и не сделала меня снова слепой. Завтра... завтра, возможно, я снова буду готова смотреть на небо. А не только на камни, где лежит он...»

Я медленно, почти благоговейно, наклонилась и подняла перо. Оно было удивительно лёгким и в то же время прочным, упругим. И оно было тёплым — не от солнца, а от тепла её тела, частицей которого было секунду назад.

— Спасибо, — прошептала я вслух, не в силах сдержать дрожи в голосе.

«Благодарствую», — поправил меня её мысленный голос, и в его тяжелой тональности впервые прозвучал лёгкий, едва уловимый оттенок чего-то, похожего на горькую, усталую усмешку. «Теперь иди, человек, который слушает. И пусть твоя пустота не поглотит тебя раньше времени...»

Я кивнула, не зная, поняла ли она этот жест. Собрала своё скудное снаряжение.

Спуск в наступающих сумерках был не из легких. Теперь я в теории знала, куда ставить ногу, какие выступы выдержат вес. Однако страх никуда не делся — он висел холодным

комом под ложечкой, — но его оттенок изменился. Он стал трезвее, острее. Не «умру сейчас», а «жаль, не успеть до темноты». Тени сгущались с неестественной для равнин скоростью, заполняя ущелья синей, густой чернильной мглой.

Внутри, сквозь этот прагматизм, теплился странный уголёк — не триумфа, нет, печального облегчения. Я не приручила её. Встретилась. И этого, было достаточно. Перо, зажатое за пазухой, у сердца, было не трофеем, а пропуском. И долговой распиской перед этим миром, который только что открыл мне одну из своих самых болезненных, самых честных тайн.

Мысли путались, набегая волнами.

«Я сделала это. У меня есть доказательство». Облегчение.

«Но что оно доказывает? Что я могу сидеть и молчать рядом с чужой тоской? Разве этого ждал герцог?» Сомнение.

«Две недели. Сколько осталось? Пять дней? Шесть? Надо успеть добраться до проводника. А если он уехал? Если он не будет ждать?» Паника.

«А лошадь? Бедная, лохматая пегая кляча. Я привязала её к кривому деревцу. Есть ли там трава? Вода? Я даже не позаботилась... Не сдохла ли она? Не сорвался ли на неё камень? Или не напал ли волк?» Чувство вины, иррациональное, но острое. Она была единственным живым существом внизу, которое зависело от моего возвращения.

«А Призрак Ущелий... Она осталась одна. С мёртвым любимым. С опустевшим гнездом. С тем чёрным налётом на

скале, от которого так скверно пахло. И оно напоминало ту жижу из сна. Завтра она снова будет готова летать? Или завтра боль нахлынет с новой силой, и она просто бросится в пропасть, последовав за ним?» Тяжёлая, чужая тоска, которую я теперь носила в себе, как глухое эхо.

Я не успела... Полная тьма настигла меня, когда до относительно пологого склона оставался ещё добрый час пути. Лазить по скалам на ощупь — верная смерть. Пришлось искать очередное убежище. На этот раз повезло меньше — лишь небольшая, неглубокая расщелина в скале, в которую можно было втиснуться, как в каменную щель. Никакого карниза, никакой защиты от ветра, который теперь гудел в ущелье, как в гигантской трубе, выдувая из души и тела последние крохи тепла.

Доела последние крошки сухаря, сделала последний глоток воды. Желудок, получив мизерную подачку, заурчал с новой силой. Голод из фонового ощущения превращался в навязчивую, тянущую боль. Я закуталась в плащ и шкуру, вжалась в камень, стараясь представить, что это не скала, а тёплая печь в избе Ивана. Не помогло.

И тогда, в этой ледяной, голодной и бесконечно одинокой щели, мне снова что-то привиделось. Не сон на грани потери сознания, а словно яркая вспышка на внутреннем веке.

Я видела поле. То самое, из прошлого сна, испещренные трещинами. Но теперь в его центре, на месте самой широкой расщелины, стояло дерево. Молодое, кривоватое, но жи-

вое. Яблоня. С его тонких веток капал не чёрный смолистый сок, а чистая, прозрачная смола, которая, падая на трещины, не запечатывала их, а... меняла. Края разлома переставали быть острыми, обожжёнными. Они покрывались тонким зелёным мхом, из которого выглядывали мелкие, белые цветы.

У корней дерева, обнявшись, спали две фигуры — взрослая и маленькая. От них исходило такое мирное тепло, что хотелось плакать от трогательности момента. А в небе над полем кружила не белая сова, а огромная, серая хищная птица. Не кречет. Что-то древнее, большее. И её тень, падая на землю, не несла прохлады, а как будто заштриховывала самые глубокие, самые тёмные раны, давая время затянуться, передышку.

Видение испарилось так же внезапно, как появилось. Оставив после себя не понимание, а странную, смутную надежду. И новую тревогу. Кто эти люди под деревом? Что за древняя птица? И причём тут яблоня? Было ощущение, будто я подсмотрела кусочек чужого, далёкого будущего, в котором у мира есть шанс. Но это будущее казалось таким хрупким, таким немыслимо далёким от этой холодной щели, голода и смертельного задания.

«Выжить, — прошептала я в темноту, прижимая к груди мягкое перо. — Сначала надо выжить и донести это. Всё остальное... всё остальное будет потом. Если будет...»

Где-то высоко над головой, в царстве звёзд и льда, оставалась гигантская одинокая птица со сломанным крылом и

разбитым сердцем. А внизу, в крошечной тьме, ждала, возможно, уже мёртвая, лошадь. А между ними — я, застрявшая в каменной щели, с пророческим видением, которое не давало ни пищи, ни тепла, только непонятную, тяжелую ношу ответственности. Завтра будет решающий день. Или последний.

Дальнейший спуск дался быстрее, но не проще. Тело помнило путь вверх, мышцы, налитые свинцовой усталостью, безумно болели и я опасалась, как бы не подвели. Страх теперь был приглушённым. На душе было странно — пусто и светло одновременно, будто после долгого плача. Поймут ли они это в замке, что именно произошло, там, наверху? Или им нужно было именно подчинение?

Я торопилась, подсчитывая в уме дни. К своему удивлению, вернулась к месту условленной встречи у подножия ущелья на день раньше срока. Проводник, угрюмый пограничник, увидев меня целой, невредимой и — самое главное — с длинным белым пером, торчащим из-за пазухи, не смог скрыть искреннего, почти суеверного удивления. Его каменное лицо дрогнуло.

— Жива, — констатировал он, и это прозвучало как высшая похвала.

Больше ни слова. Но когда он подал мне воду из своей фляги, его жест был чуть менее резким, чем по пути сюда.

Обратный путь до замка пролетел в тяжёлом, но уже не враждебном молчании. Я почти не спала, прислушиваясь к

ночному лесу, к далекому, утешительному уханью Букли, которая наконец-то могла лететь относительно неподалеку, а не ждать внизу. Лошадь, моя бедная пегая кляча, оказалась жива, хоть и похудела. Вид у неё был обиженный, но, кажется, она меня простила после мешка овса, «случайно» оставленного проводником.

Герцогский замок Белогорье встретил меня теми же суровыми, непроницаемыми стенами. Но теперь он казался не просто угрозой, а сложным лабиринтом, в который мне предстояло войти. Матвей ждал во внутреннем дворе, у конюшен. Он стоял, опираясь на посох, и наблюдал, как конюх расседлывает мою лошадь. Увидев меня, он не кивнул, лишь сухо поманил пальцем: «Иди сюда».

Я подошла, достала перо. Он взял его, не касаясь моей руки. Покрутил в своих жилистых, исчерченных шрамами пальцах, щурясь посмотрел на просвет, в свете серого дневного света.

— Альбинос. Настоящее. С крыла, ещё живое, — пробормотал он себе под нос, как эксперт, оценивающий товар. Потом упёр взгляд в меня. Его глаза, похожие на старые монеты, были непроницаемы. — И как же ты её взяла? Капканом? Снотворным зельем? Обманом?

— Я не брала, — голос мой звучал хрипло от усталости, но твёрдо. — Мы поговорили.

— Разговаривали, значит... — произнес он без единой интонации, будто проверяя звучание бессмысленности этих

слов. — И она, эта дикарка, которая последние два года рвала в ключья всех, кто приближался к её скалам, просто так отдала тебе своё перо? За красивые речи?

— Она дала, отозвалась я, и набравшись терпения пояснила: — Потому что поняла, что я не пришла брать. Что я пришла... слушать...

Матвей долго молчал. Ветер шелестел соломой под ногами, где-то ржала лошадь. Казалось, он взвешивал не мои слова, а самую возможность такого исхода.

— Хорошо, — наконец выдохнул он. — Задание выполнено. Формально. Ты получаешь место. При псарне и сокольне. Будешь под началом у старого Гаврилы. Твоя прямая обязанность — уход за почтовыми голубями и помощь в лечении ловчих птиц. Кормить, чистить, менять воду. И... наблюдение, — он сделал паузу, давая слову осесть. — Будешь докладывать лично мне о том, что увидят в небе наши лучшие глаза. И твои... крылатые друзья. Их, к слову, лучше держать подальше от общих вольеров. Белые совы нервируют ястребов... — ещё одна пауза, более тяжёлая. — И есть ещё один человек. Точнее, два. Но первый уже просил тебя видеть. Жди вызова...

Меня провели по крутым, темным лестницам в небольшую, но удивительно светлую комнатку в одной из башен, под самой крышей. Одно узкое окно с видом на лес, грубая кровать, стол, табурет, очаг. Это была моя новая... Нет, не комната — келья. Клетка с видом на свободу. Но всё же —

крыша над головой и относительная безопасность. Я сбросила потрёпанную дорожную одежду, умылась ледяной водой из кувшина и просто села, прислушиваясь к непривычной тишине каменных стен.

Через час раздался стук. Негромкий, почти робкий.

— Войдите.

На пороге стояла девушка. Хрупкая, словно фарфоровая куколка, в платье цвета небесной лазури, перехваченном простым серебряным поясом. Тёмные волосы убраны в скромную сетку, но несколько непослушных завитков выбивались на щёки. И глаза... огромные, серо-голубые, полные такого испуганно-любопытного блеска, что становилось почти смешно.

— Здравствуй, — сказала она, запинаясь и слегка краснея. — Меня... меня Лиза зовут. Фрейлина герцогини. Мне поручили... то есть, я сама вызвалась... показать тебе, как тут всё устроено. Где столовая для прислуги, где прачечная, где можно взять чистую одежду. Если, конечно, ты не против. Ты, наверное, устала...

Она была полной моей противоположностью во всём — неземной, робкой, пахнувшей сушёными цветами, мылом и слабым запахом пергамента от книг. И в её взгляде не было того, к чему я уже почти привыкла — страха, осуждения, хищного интереса. Было лишь чистое, неподдельное, почти детское любопытство и какая-то жалостливая доброта.

— Я не против, Лиза, — сказала я, и впервые за долгое

время почувствовала, как по губам расползается настоящая, не вымученная улыбка. — Я очень устала, но ещё больше я хочу понять, как тут всё устроено. Спасибо, что пришла.

Мы проговорили до вечера. Вернее, говорила в основном она, сбивчиво и мило объясняя бесконечные замковые правила, называя имена и титулы, от которых у меня начинала кружиться голова.

Она была дочерью обедневшего барона, отданной ко двору «для получения воспитания». Её мир состоял из вышивания, чтения романов, тихих прогулок по саду и сложной, невидимой сети мелких придворных интриг.

ГЛАВА 6

Поздно вечером, когда Лиза, пожелав спокойной ночи, уже скрылась за дверью, а я сидела у узкого окна, глядя, как первые звёзды проступают над тёмным лесом, за дверью послышался другой звук. Не робкий стук, а уверенные, твердые, отмеряющие расстояние шаги по каменным плитам коридора. Они не спешили, словно владелец шагов знал, что его ждут и что бежать ему некуда. Шаги остановились у моей двери. Она открылась без стука — одним плавным движением, будто её не толкнули, а она сама распахнулась перед хозяином замка.

В проёме, заливаемый неровным светом факелов из коридора, стоял молодой человек. Высокий, худощавый, но с такой прямой осанкой, что казался выше своего реального роста. Одежда — дорогие, но нарочито простые и практичные шерсть и лён тёмно-серого и чёрного цветов, без вышивок, лишь тонкое серебро на пряжке ремня и перстне на длинном пальце. Лицо аристократично-острое, будто высеченное из светлого мрамора: высокие скулы, прямой нос, тонкие, чуть поджатые губы, тронутые легкой, холодной усмешкой, не достигающей до глаз. Но сами глаза... Холодного серого цвета, как отполированная до зеркального блеска сталь перед грозой, лишённые малейшего тепла, но полные невероятной, колючей внимательности.

Это был Княжич Дмитрий. Узнала его по описанию из слов Лизы. Его взгляд скользнул по мне — от грубых сапог до растрепанных волос. Я ощутила себя разобранный на составные части, каждая из которых была скрупулезно взвешена и оценена.

— Так вот она какая, наша новая «совиная глаза», — произнёс он. Голос был ровным, бархатистым, идеально контролируемым, но где-то в самой глубине его тона звенела туго натянутая стальная струна. — Та, что шепчется с горными призраками и возвращается с... подарком. Любопытно. Отец доволен — получил желаемое подтверждение. Матвей, кажется, впечатлен, что дорогого стоит. А я... — он сделал паузу, давая слову повиснуть в воздухе, — мне стало искренне интересно. Редкое чувство в этих стенах.

Он переступил порог, закрыв дверь за спиной одним точным движением. Небольшая комната внезапно стала тесной, воздух — густым и холодным, как перед бурей. Он не занял пространство, он его присвоил.

— Итак, расскажи, — начал он, скрестив руки на груди. — Что ты на самом деле увидела в том ущелье? Не приглаженную басню для старого Матвея, которому нужны только факты о птицах. Правду. Весь сюжет. И не вздумай врать. Ненавижу ложь. Она неэффективна, как тупой нож, — он склонил голову, отслеживая малейшую перемену в моём лице. — И, пока ты собираешься с мыслями, усвой ещё кое-что, новая игрушка моего отца. Будь предельно осторожна

с новыми друзьями. Даже теми, кто пахнет розами и выглядит как воплощенная невинность, — его губы искривились в подобие улыбки, от которой по спине пробежали мурашки. — В этом замке стены не каменные. Они стеклянные. И уши у них есть. Всё видно... Всё слышно... Каждый шёпот, каждый вздох, каждый неверный шаг...

Он сделал легкий, неслышный шаг вперёд, сократив дистанцию. От него потянуло холодным, сложной смесью ароматов — дорогое вино, пыль старинных пергаментов, воск для полировки доспехов и что-то ещё, металлическое и безжалостное, как клинок.

— И запомни главное: у всего здесь есть цена. У крова над головой. У защиты от суеверной черни. У информации. У дружбы. У даже самой милой, самой искренней улыбки, — его взгляд на мгновение стал ещё острее. — Рано или поздно счёт предъявят. Убедись, что к тому моменту у тебя будет чем заплатить. Или... что ты будешь достаточно ценна, чтобы долг простили. Подумай, что мне рассказать...

Он повернулся, столь же внезапно и бесшумно, как и появился, и вышел. Дверь осталась распахнута настежь, будто предлагая бежать, зная, что бежать некуда. В комнате повисла ледяная, звенящая тишина, нарушаемая лишь треском последнего полена в очаге и бешеным, глухим стуком моего сердца в ушах.

Игра, которую я не успела понять, уже начиналась. И ставки в ней, как только что наглядно продемонстрировали, бы-

ли куда выше, чем просто моё выживание. Он знал. Но что именно? Детали про росомаху? Или это была просто блестящая догадка мастера интриг, первый тест на прочность? Был ли это шантаж? Или... странное предупреждение от того, кто сам заперт в этой стеклянной, ушастой тюрьме? Я не знала.

Но я знала теперь точно: тихой, незаметной, серой жизни простой смотрительницы за птицами мне в этих стенах не видать. Перо кречета, которое я заботливо положила на краешек стола, сверкало в отблесках огня неестественной, почти прозрачной белизной. Оно было не только пропуском в этот мир. Оно стало моей меткой. И приманкой, на которую уже клюнул первый, самый опасный хищник. А сколько их таких, с холодными стальными глазами и калькуляцией в сердце, ещё бродило за этими стеклянными стенами?

Утром слышался робкий, почти царапающий стук в дверь. Я ни секунды не сомневалась, кто там. После ночного визита княжича тихий стук Лизы казался почти утешительным.

— Войди, Лиза. Покажи, что здесь к чему. Будет полезно, — кивнула я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и нейтрально — без панибратства, которое могло бы смутить, но и без высокомерия, которое оттолкнуло бы.

Мы обошли соколятню, где на руках в кlobучках сидели суровые ястребы-тетеревятники, чьи золотистые глаза неотрывно следили за нами, и голубятню с её умиротворяющим,

размеренным воркованием. Она показала всё:

— Где брать корм? Вон тот запертый на висячий замок, амбарчик, — поясняла девушка. — Ключ у старого Гаврилы, и тот его не выпускает из рук. Чистить клетки — у задней стены. Там устроен сток, куда уходит грязная вода и помёт. А вон, видишь парень в дверь вошел? Это общая кухня для слуг. В определенные часы там можно получить похлебку и хлеб.

Её объяснения были конкретны, лишены лишних слов и эмоций, словно она заучила этот маршрут для самой себя и пользовалась им много раз, пока он не стал частью её сущности. Только под конец, когда мы вернулись к моей каморке в башне, она задержалась у двери, оглянулась на пустой, пропахший сыростью и дымом коридор и понизила голос до едва слышного, торопливого шёпота.

— Здесь... многие будут присматриваться к вам. Не только из любопытства. Будьте осторожны. Ваш дар... он вызывает интерес. Разный... — она сделала глоток воздуха, её глаза, огромные и светлые, расширились от собственной смелости. — И не у всех интерес... добрый.

И, протараторив это, она не попрощалась, а просто метнулась в полутьму коридора, словно испуганная тень, растворяясь в ней без звука.

Её предупреждение, данное так тихо и по-детски серьезно, оказалось пророческим. Ближе к ночи, когда в замке затихли последние шаги, а отблески догорающих факелов из

бойниц больше не ползали по влажным стенам, от узкой винтовой лестнице донёлся тот самый звук. Твёрдый, уверенный, отмеренный шаг, дробящий тишину. Не тот, что замирает в нерешительности или крадётся на цыпочках.

Это был шаг хозяина, привыкшего, что пространство расступается перед ним. Я узнала его сразу — этот ритм врезался в память глубже, чем я думала. Сердце, предательски, екнуло и замерло где-то в горле. Дверь вновь открылась без стука, одним плавным, беззвучным движением.

В проеме, заливаемый тусклым светом из коридора, стоял он. Княжич Дмитрий. Сегодня на нём были тёмный, отливающий глубинной синевой дублет и такие же, плотно сидящие штаны, поверх накинута простая, но безупречно сшитая плащ без капюшона. Вся одежда была дорогой, но лишенной малейшей вычурности, сшитой для движения и действия, а не для парада.

Взгляд сегодня был тоже иным. Прямой, пронзительный, оценивающий, лишённый простого любопытства деревенщины или подобострастной почтительности слуги, но и не высокомерный, как вчера. В нём не было и тени эмоций — только холодный, сфокусированный расчёт. Он смотрел, как опытный механик смотрит на незнакомый, но потенциально полезный механизм, размышляя, куда и с какой силой стоит надавить, чтобы понять принцип его работы и выжать максимальную эффективность.

— Аня. Так? — его голос был ровным, без интонаций. —

Ты подумала над моими словами? Меня, как всегда, интересует цена. И детали. Вся мозаика, а не один яркий камень.

Он сделал шаг вперёд, но не переступил порог полностью, будто не желая загрязнять себя атмосферой этой бедной, чужой комнаты. Однако его фигура заполнила собой весь проём, отрезав меня от света коридора.

В голове панически метались мысли. О какой цене идет речь? Цене моего молчания? Цене информации? И какие именно «детали» его интересуют — те, что были в ущелье, или те, что сейчас читаются на моём лице?

— Конкретно, — начал он, чуть склонив голову, — ты помогла раненой росомахе в ущелье Чёрного Ворона. Высвободила её из старого капкана, отдала часть своих скудных припасов. Зачем? — он произнёс это не как вопрос, а как жёсткий, требовательный запрос на уточнение данных в отчете.

Лёд тонкой, острой иглой пробежал по моей спине, застыв холодным комом в основании черепа. Откуда? Проводник был угрюмым молчуном, но он мог доложить. Однако о таком «подвиге» он вряд ли стал бы рассказывать, даже зная — это сделало бы его соучастником «ведьминских» дел. Да и не видел он моего общения с росомахой. Совы? Невозможно, они были далеко, да и не стали бы. Они прямолинейны, и ни с кем больше не общаются. Мой дар крайне редок.

Значит, наблюдение велось ещё откуда-то. Или сама росомаха была... ловушкой? Нет, рана была настоящей, давней, гноящейся. Но факт моего взаимодействия с ней, с другим

зверем, зафиксировали. Как? Скалолазы? Шпионы? Магия? Или... он блефует, проверяя мою реакцию на столь точную «гипотезу»?

Мысли метались, как пойманные в клетку птицы, но лицо, надеюсь, оставалось неподвижной маской, выученной за месяцы в корпоративных кабинетах.

— Она указала мне безопасный путь наверх, — ответила я, глядя ему прямо в эти стальные глаза, голос ровный, без оправданий и заискиваний. — Её информация спасла мне время, а возможно, и жизнь. Мои действия спасли её и её детёнышей. Мы квиты. Это был обмен.

— Обмен, — повторил княжич, и в уголке его строгого рта дрогнула тонкая складка, отдалённо напоминающая усмешку, но абсолютно лишённая тени веселья или одобрения. — Рационально. Уже значительно лучше, чем сентиментальные сказки о добром сердце, которые здесь так любят. Однако учти, — он сделал небольшую, весомую паузу, — этот самый «обмен» стал известен не только мне, — говоря это, он наблюдал за мной. — Есть определенные люди при дворе, которые видят в твоём даре не полезный инструмент, а прямую угрозу старому порядку. Или... потенциальную собственность, которую нужно взять под контроль. Факт твоей... уникальной способности общаться не только с птицами, но и, как выясняется, с хищниками, может стать для них очень удобным рычагом. Чтобы ты делала именно то, что им нужно. Или молчала именно тогда, когда это необхо-

димом им. Ты понимаешь, о чём я?

Он говорил не как злодей из мелодрамы, разглаживая усы, а как человек, констатирующий неприятную, но объективную реальность. Как инженер, холодно и методично указывающий на слабое, уязвимое место в конструкции проекта.

— Вы хотите запугать меня? — уточнила я, не отводя взгляда, хотя внутри всё сжималось от холода. — Чтобы я знала, что полностью в вашей власти?

— Нет, — ответил он без малейших раздумий, и в его ровном тоне промелькнула искра искреннего, почти профессионального раздражения. — Чтобы проинформировать. Запуганный человек склонен к панике и глупым, непредсказуемым поступкам. Он ресурс не качественный и не надёжный. Информированный — может анализировать риски, просчитывать последствия и принимать взвешенные решения. Ты сейчас — ценный актив, но и серьёзный риск. Отец, в своей бесспорной прагматичности, видит прежде всего актив. Я вынужден учитывать и то, и другое. Другие же видят либо риск, который нужно устранить, либо возможность, которую нужно прибрать к рукам. Я пока что наблюдаю. И должен отметить: твои действия до сих пор демонстрируют определенную... внутреннюю логику. Для «крапленой» это редкость... — он кивнул, словно ставя галочку в невидимом журнале. — Продолжай в том же духе. И помни о стеклянных стенах...

Он отступил на шаг... затем на второй... его силуэт начал растворяться в густеющих тенях коридора, сливаясь с ними.

И уже оттуда, тихим, негромким эхом, абсолютно лишенным какого-либо личного участия, донеслось:

— Спокойной ночи, Аня.

Я подошла и закрыла дверь, задвинув простой, но надёжный деревянный засов.

Шантаж. Пока в мягкой форме. Но намёк ясен. Моя способность — не просто дар, а информация, которая может быть использована против меня, против моих работодателей. Или против тех, кого я, возможно, захочу защитить. Дмитрий не предлагает дружбы. Он обозначает правила игры.

Теперь нужно научиться не просто понимать язык этого мира, но и играть по его правилам, не теряя себя. И для начала надо перестать быть наивной диковинкой. Нужно стать специалистом. Полезным настолько, чтобы затраты на устранение или шантаж перевешивали выгоду от обладания мной. Пусть бьются за меня, защищают. Это единственный путь к какой-либо безопасности. И спасибо княжичу за такие подсказки.

Работа при соколятне оказалась монотонной, но давала передышку. Руки заняты делом — чисткой перчаток, приготовлением мяса для птиц, — а голова могла блуждать в лабиринтах постоянно сваливающихся на меня загадок. Лиза, к моему удивлению, стала приходить почти каждый день под предлогом «проверить, как я устраиваюсь». На самом деле, мне казалось, её тянуло сюда, в этот пахнущий птичьим по-

метом и кожей угол двора, подальше от вычурных салонов герцогини с их чопорными завсегдатаями.

В тот день мы сидели на низкой каменной скамье у голубятни, наблюдая, как почтовые голуби воркуют на солнце. Лиза, осторожно поглаживая крыло одного из них, вдруг заговорила тише обычного.

— Вам ведь говорили, наверное, что вы... не единственная? — она не смотрела на меня, её пальцы нервно перебирали перья.

— «Крапленых»? Догадываюсь. Ходят же слухи.

— Не только слухи, — она покачала головой. — В самом замке есть... особые люди. Не такие, как вы. Другие.

Я отложила нож, которым чистила насест. Это пахло новой и весьма полезной для меня информацией.

— Какие другие?

— Ну... — Лиза замялась, подбирая слова. — Вот, например, в Южном крыле, в высокой башне с зелёными стеклами, живёт мастер Элиас. Он из Гильдии. Алхимик. К нему даже княжич Дмитрий иногда приходит для бесед, а герцог доверяет ему проверять вина и... и другие вещи на яды. Говорят, у него в мастерской есть такие весы, которые могут взвесить тяжесть лжи в словах. Или песочные часы, показывающие, сколько боли осталось в ране, — она говорила это с суеверным трепетом, не как о магии, а как о высшей, непонятной науке.

Алхимик. Гильдия. Это звучало солидно и опасно. Не сти-

хийный дар, а изучаемая дисциплина.

— А кроме него?

Лиза оглянулась и понизила голос до шёпота.

— В лесу, за озером Чёрным, живёт бабка Варвара. К ней ходят, когда врачи бессильны. Она не лечит травами, как наш лекарь Людвиг. Она... поёт над раной. Или шепчет воде, и её потом пьют. Её не трогают, но и близко к замку не подпускают. Говорят, когда-то давно она «усыпила» целый пожар в деревне, но после этого неделю не могла встать с постели. А ещё... — голос Лизы стал совсем тихим, — есть те, кого даже имя страшно произносить. Кто говорит с тем, чего не должно быть. Некроманты... Их ищут и... развязывают...

Она недоговорив замолчала, сжав руки в кулачки на коленях. Я вспомнила холодные слова Дмитрия о «цене» и «собственности». Мой дар общения с птицами был одной из монет в этой сокровищнице. Но, оказывается, монет много, и все — разного достоинства и чеканки. Алхимик со своими весами, бабка-певунья, ужасные «развязываемые» некрманты... Это целый скрытый рынок, где торговали чудесами, знаниями.

— Почему ты мне это рассказываешь, Лиза? — спросила я мягко.

Она наконец подняла на меня свои огромные, испуганные глаза.

— Потому что вас уже внесли в этот список. И теперь другие... могут захотеть вас заполучить. Или убрать. Вы долж-

ны знать, с кем можете столкнуться. Мастер Элиас, он... он рассуждает, как учёный. С ним можно договориться. А другие... — она содрогнулась.

Другие видят в даре только силу. Или грех.

В этот момент с неба, бесшумно, как падающий снег, спланировала Букля и уселась на край крыши голубятни. Голуби встревоженно заворковали, но не разлетелись. Лиза вздрогнула, потом робко улыбнулась.

— А ваши совы... они другие. Они как часть вас. Это... это как то честно, что ли?

«Спасибо, Букля, за рецензию», — мысленно послала я, и сова важно повертела головой.

Этот разговор стал первым окном в настоящую, сложную магическую реальность этого мира. Моя история только начиналась, но я уже переставала быть единственной диковинкой.

Я становилась игроком на поле, правила которого только предстоит изучить. И первый урок ясен: нужно узнать всех остальных игроков. И решить, кто из них — потенциальный союзник, а кто — противник, пришедший за новой шкурой для своей коллекции.

ГЛАВА 7

Время в замке текло странно. Дни тянулись, тягучие и липкие, как смола. Недели же пролетали быстро и незаметно — стаяй почтовых голубей за моим узким окном. Моя жизнь, некогда свободная и разносторонняя, сжалась здесь до неимоверно узких рамок. Чего только стоила невозможность свободно жестикулировать! Но территориально я тоже теперь ограничена. До разме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.